

СМЕНА

№ 17 СЕНТЯБРЬ 1973

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

КОРЧАГИНЦЫ

A large red banner with the word "КОРЧАГИНЦЫ" written in blue Cyrillic letters. The banner is slightly curved and appears to be part of a parade or a public demonstration.

ПАРОЛЬ:
ДОСРОЧНО!

Выполнять
ПЛАН

КАЖДОГО
ДНЯ

КАЖДОГО
МЕСЯЦА

КАЖДОГО
ГОДА,

КАЖДОГО
ПЯТИЛЕТЬЯ-

КАЖДОГО
ДЕКАДА

КАЖДОГО
ПЯТИЛЕТЬЯ-

КАЖДОГО
ДОСРОЧНО!

Обращаясь к делегатам III съезда комсомола, В. И. Ленин отметил, что успех строительства нового общества будет зависеть от того, как будет развиваться коммунистическое соревнование... как молодежь будет доказывать, что она умеет обгонять свои труды.

Работу комсомола всегда отличало умение вести борьбу за высокие темпы, за наивысшие показатели в труде, за укрепление производственной и трудовой дисциплины, бережное отношение к сырью, инструментам, машинам, улучшение качества продукции и снижение ее себестоимости.

Творчество масс — а именно так и мыслится соревнование — ограничить невозможно. Форм его великое множество, но направление их одно: воспитать у человека коммунистическое отношение к труду, совершенствовать профессиональное мастерство, достичь наивысшей производительности труда на каждом рабочем месте.

Сегодня, как никогда раньше, возрастают социальные и воспитательные функции соревнования. Оно все в большей мере сочетает в себе задачи подъема производства с решением проблем социального развития коллективов. Это объясняется спецификой современного производства, которое предъявляет всевысшие требования не только к технике, но и прежде всего к тем, кто эту технику обслуживает. Глубокие специальные знания, всесторонняя профессиональная подготовка, высокая общая культура и образование становятся характерными чертами все более широкого слоя трудящихся молодежи. Это находит свое отражение и в социалистическом соревновании. Соревнование стало полнокровной школой трудовой, политического и гражданского воуждения молодежи.

Мы говорим комсомольских активистов рассадить, как прокладывают социалистическое соревнование молодежи в их республике, на заводах, в бригадах.

Апо ХОДЖАЕВ,
секретарь ЦК ВЛКСМ Узбекисстана

ВРЕМЯ СОЗДАНИЯ

Бурно развивающаяся научно-техническая революция, постоянный рост общеобразовательного и культурно-технического уровня молодежи требуют более тонкого, дифференцированного подхода к каждой категории юношей и девушек — рабочим, колхозникам, специалистам, учащимся. «Комсомол должен уметь работать с каждой из таких групп», — подчеркнул на XXIV съезде партии Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.

Запол той успешной работы мы видим прежде всего в тесном контакте с государственными, профсоюзными, хозяйственными, различными общественными организациями.

Центральный Комитет ВЛКСМ Узбекистана создал структурные подразделения практически при всех министерствах и ведомствах, здесь же успешно работают советы по трудовому воспитанию молодежи.

Благодаря четко скоординированной работе заинтересованных организаций во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства сложилась стройная система социалистического соревнования на лучшей комсомольско-молодежной коллектив, за почетные звания «Лучший в своей профессии», «Ударник коммунистического труда», «Молодой передовик производства». Все советы по трудовому воспитанию научили и внесли на обсуждение коллегий молодежи и девушек в патристическом движении «Пятилетие — ударный труд, мастерство и поиск молодежи».

Неукротимая энергия, творчество и дерзание молодежи особенно ярко проявились в решающей борьбе с пятой пятилеткой. Ударным трудом, мастерством и поиском, различными формам производственного соперничества отечественных комсомольцев Узбекистана на призывы Центрального Комитета КПСС, Совета Министров СССР, ВЦПСН и ЦК ВЛКСМ шире развернуть всесоюзное соревнование за досрочное выполнение заданий решающего года пятилетия.

Около семи тысяч молодежных коллективов, десятки тысяч молодых рабочих и колхозников приняли встречные планы. Вот обязательство бригады члена ЦК ВЛКСМ Абдусатора Курбанова из совхоза имени Ленина, Сурахандинской области: «Довести урожайность гектара до 50 центнеров, снизить себестоимость центнера на 5 рублей, увеличить выработку на каждого человека до 70 тонн хлопья-сырца». Давайте размышляем над этим планом. В нем, как и в других, отразились требования XXIV съезда КПСС, затронули хозяйственные процессы, давшие возможность с меньшими затратами. И трудно представить программу действий бригады: увеличить выработку — значит, больше механизировать

производство, лучше овладеть техникой. Снизить себестоимость — следовательно, использовать передовые методы сева, обработки, уборки. Повысить урожайность — значит, использовать самые последние достижения науки.

Встречный план — план смекали и самостоятельного поиска, ибо ни одно хозяйство, ни одно предприятие не произведет Ответ на этот вопрос дала новая форма соревнования, все шире распространяющаяся среди молодежи, — «Договор тысяч». Договор со смекалками, взаимодополняющими друг друга по техническому процессу бригадами, предприятиями. Договор о сверхплановых поставках, о взаимной поддержке. Пример тому — договоры между бригадами и цехами «Таштентильмаша», договор, заключенный комсомольско-молодежным коллективом «Ирчиштинильмаша» с молодежными бригадами «Маркандского завода «Красный двигатель» и Ташкентского тракторного завода.

Экономический расчет, новаторство, ударный труд отличают нынешнюю вату юношей и девушек Узбекистана. Около 10 тысяч из них уже работают в счет будущей года. Более пяти тысяч — в счет нового пятилетия. За три с половиной часа выполняет дневное задание экскаваторщик рудника Шорсу Ферганской области Ахметова Хашарата, вместо 24 тысяч станков нанангачев Мусса Абдуллаев обслуживает 36, за 100-центровой урожай культуры борется бригада Иманов Махмудовича из совхоза «Саваб», Андижанской области, учит строителя новоту методу — методу Злобина — коллектив Тупуна Саймываго из треста 159 «Ташкентстрой».

Сведетельством отличного трудового настроя, который царит среди молодежи республик, является тот факт, что комсомольская организация Узбекистана в четвертый раз подряд завоевала переходящее Красное знамя ЦК ВЛКСМ. А впереди еще — большие планы! Давая 1740 000 тонн белого золота! «На ударной — работать по-ударному!». «Сегодня рубит новатор — завтра комсомольская норма!» Это лозунги сегодняшнего дня! Соревнование за право подписи под отчетом ЦК КПСС о достойном выполнении заданий Родины разгорается с каждым днем.

Анатолий ТЕМНИКОВ,
секретарь комитета ВЛКСМ
Новооскольского химического
комбината имени В. И. Ленина

СОРАТНИКИ

Комсомольская организация нашего комбината соревнуется с ровесниками двух родственных предприятий — Щенкинского и Северодонецкого. Соревнуемся мы не первый год, обычным явлением стал у нас обмен

делегациями, члены которых, вернувшись из гостей, на некоторое время становятся своеобразными «светильниками». Возник даже свой ритуал общения с соперниками. Соперниками! Я бы сказал, соратниками. Потому что исполняли лица друзей — Светлана Волковой и Александра Костенко, секретарей комитетов комсомола Щекинского и Северодонецкого химвоенных, вспомнил горняков, ушедших в рай, с ним, правда, пришлось встречаться в Северодонецке, в Щекине и у нас, в Новоосновке.

Как произошла эта метаморфоза: соперник превратился в соратника, единоумеренливом? Мы по-прежнему остались патриотами своих предприятий, так же как и раньше, тяжело переживаем поражения, так же радуемся победам, но... мысли стали несколько иными мерками. Если раньше, до «эпохи» заключенных договоров на соревнования да и на первых порах после договора, в нас жило болезненное чувство ревности за свое предприятие, то сейчас это чувство, не утратив своей остроты, распространилось на отечественное химическое производство в целом. Я ничуть не преувеличу масштабы нашей забот, потому что нашим комбинатам взгодит в обиду переводы предприятий страны, и то, что сегодня делают наши химики, не что иное, как кропотливые, упорные поиски оптимальных методов производства, эффективных путей развития всей большой химии.

Наши комбинаты — крупнейшие поставщики удобрений в стране. Как и на каждом большом предприятии, продукция которых за год исчисляется в миллионах тонн и сотнях миллионов рублей, каждое внедренное новшество у нас дает резонанс в тысячи тонн сверхплановой продукции. Вот почему особую ценность в соревновании приобретает совместное усилие трех коллективов, обмен опытом, инженерным замыслом и решениями, организационно-техническими мероприятиями.

Недавно наши «протектораты» провели работу по сокращению времени простоя и холостого пробега станков и добились ошеломительных результатов. Но эта победа принадлежит не только нашим комсомольцам. Мы просто использовали опыт своих коллег из Щекина.

А Северодонецкие помогли нам смонтировать, наладить и пустить сконструированные ими аппараты по производству ацетилена, за счет чего мы сэкономили в год до шести миллионов кубометров природного газа. В свою очередь, химики Щекина и Северодонецкие использовали наш опыт по переводу ацимичного производства на природный газ.

Десятки мероприятий, внедренных на одном из комбинатов, нашли практическое применение на двух других. Как не назвать такое сотрудничество плодотворным, а контакты — товарищескими и деловыми! За счет досрочного освоения производственных мощностей и новой техники, совершенствования технологических процессов, расширения зон обслуживания мы решили повысить в 1973 году производительность труда на семь процентов, увеличить выпуск продукции, улучшить сохранность и использование удобрений, оказать в этом помощь работникам сельского хозяйства.

Боро ЦК ВЛКСМ в своем постановлении «О роли комсомольцев Тульской области в социалистическом соревновании за успешное выполнение планов 1973 года одобрил инициативу комсомольцев ишего комбината».

Мы прекрасно сознаем всю меру ответственности, которая ложится на плечи комсомольцев и всей молодежи комбината. Смысл кроется в повышении производительности труда — это дополнительные 100 тысяч тонн минеральных удобрений. А экономия только одного процента пара, электроэнергии, промышленной воды, природного газа дает эффект в 827 тысяч рублей. Вот они, резервы промышленности.

Я знаю, что последовательно и серьезно работа по снижению расходов норма, экономии электроэнергии и сырья ведется комсомольцами Северодонецкого и Щекинского химвоенных, а после опубликования постановления ЦК ВЛКСМ такая работа началась, я уверен, и на других предприятиях по производству минеральных удобрений. И это — еще одно доказательство мобилизующей силы социалистического соревнования.

Я уже говорил, что комсомольцы и молодежь наших трех комбинатов чувствуют ответственность за отечественное химическое производство. И это на самом деле так. Всем известны два ценителя: «большие производители» — меньше персонала, это уже не эксперимент, а опробованная форма организации труда на высочайшем уровне освоенности. Опыт ценителей перешагнул границы химических предприятий и широко внедряется во всех отраслях народного хозяйства.

Наглядный примером влияния молодых химиков на прогресс в производстве минеральных удобрений служит межзаводская школа высшей производительности труда. Создана она в нынешнем году по инициативе ЦК ВЛКСМ и Министерства химической промышленности СССР. В июне со всех концов страны съезжались на Новоосновский, молодые аппаратчики колонии синтеза аммиака — исходного продукта для многих минеральных удобрений. Новая форма распространения передового опыта вызвана и живыми требованиями нынешнего, решающего года Девятой пятилетки. Ничего химикан страны предстоит увеличить по сравнению с 1972 годом производство минеральных удобрений на 7,8 процента, а сынетического аммиака — на 8,7 процента.

Самым замечательным аммиаком — самым дешевым в стране. Вот поэтому школа высшей производительности труда, самых современных, эффективных методов работы аппаратчиков и была открыта на нашем химвоенном. Две недели лучшие аппаратчики, посланцы многих республик и городов страны, обменивались опытом, знакомыми с новейшими открытиями в вопросах экономики и теории химического производства. Преподавателями были научные сотрудники Государственного института азотной промышленности и продуктов органического синтеза, овестьественные работники, энтузиасты и аппаратчики, умеющие с максимальной пользой приносить это школе! Сами ребята — слушатели школы говорили, что новые знания и опыт они используют на своих рабочих местах и передадут эти знания

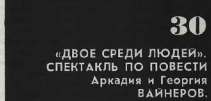

6 Экспедиция «Смены»: нефтяные реки Сибири. ХУТОРА И ХУТОРЯНЕ.

18 ДИСЦИПЛИНА. Беседа с Героем Социалистического Труда токарем Балтинского завода имени Серго Орджоникидзе А. В. ЧУЕВИМ.

20 ОБРАЗ МОДЫ: СПОРТИВНОСТИ И РОМАНТИЗМ.

30 «ДВОЕ СРЕДИ ЛЮДЕЙ». СПЕКТАКЛЬ ПО ПОВЕСТИ АРКАДИЯ И ГЕОРГИЯ ВАЙНЕРОВ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:
НАВСТРЕЧУ КОНГРЕССУ МИРОЛЮБИВЫХ СИЛ В МОСКВЕ
ХЛЕБНАЯ СТЕПЬ. РЕПОРТАЖ С ХЕРСОНЩИНЫ
КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ: ТУВА
ОЧЕРК ЕВГЕНИЯ ДОБРОВОЛЬСКОГО «ТОВАРИЩ НИКОЛАЙ»

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ
РЕДАКЦИОННАЯ РАБОТА: В. С. Абашиной, Г. П. Еписеева, А. П. Кулешова, А. А. Ляховой (ответственный секретарь), В. В. Лукиной (заместитель главного редактора) В. Г. Пободолюбова, Р. И. Рондженко, Е. И. Рабчиков, Г. В. Семелова, С. С. Смирнова, А. Б. Стунов (главный художник), Ю. В. Томашевский, В. Е. Томашевский

Художник О. С. Таслер Технический редактор Н. И. Будкина

НАША ОБЛОЖКА:
ЛИПЕЦКАЯ МАГИНКА — ИДУТ КОРЧАГИНЫ.

Фото Владимира ЧЕИШВИЛИ
ФОТОРЕПОРТАЖ — ЛИПЕЦКИЕ ЗОРИ. СМОТРИТЕ НА СТРАНИЦАХ 12 — 17.

ХУТОРА И ХУТОРЯНЕ

други аппаратами. Кто-то спрашивает: «А когда ждать эффекта от вашей просветительской деятельности?» Аппаратчик, посмеиваясь, советоваи следовать за статистическими сведениями: «Увидите, прибавка по алмазному бурению и незначительна».

Пожалуй, школа высшей производительности труда — прямой ответ молодежи на слова Леонида Ильича Брежневца: «Мы должны научить сначала большинство, а затем всех трудящихся работать так, как работают сегодня мастера труда».

Обычно опытом — неотъемлемая часть соревнования. И цыркскому кодексу места — от соперников нет секретов — неуспевающим следуют наказания: «Мы должны победить! Мы гордим тем, что совместно накопленный опыт перешагнули договорные рамки и беремся на вооружение в других комсомольских организациях страны».

«Поэтому мы больше нравятся слово «соратники».

Валерий ТОМКА,
кожег комсомольско-молодежного участка № 5 шахты «Россия»
Донецкой области

ЭКСПЕРИМЕНТ В ЗАБОЕ

Недавно нашему участку вручили поощающее Крестное знамя героя-пятилетки, утвержденное Свердловским горным комсомолом. Это было волнующее событие. Приветство в победительном соревновании пришли на центральную площадь города горняки соседних шахт, строители, автомеханики. Особенно приятно было в такой торжественной обстановке получить почетную награду из рук знатного горняка Героя Социалистического Труда А. М. Ковтуна. Он не раз признавал к нам на шахту огромную заслугу нашего неслучайного пути к успеху.

Наш комсомольско-молодежный коллектив создан в начале нынешнего года, в день зарядки лавы новым комплексом шагающей крепи. Нам тогда поручили забрать уголь в северном крыле пласта, несомненно лет тому назад оставленного другим участком.

Горняки уже который раз шли на штурм непокорной лавы. Они загрохотали в лаву испуганным шумом, комбайны ощерились, а «Донбасс» и даже пробовали добывать уголь с помощью струевой установки. Но прироста надменно озвращала из лавы уголь. После первых синих пластов угля обрушилась лещиком, машина едва взбиралась вверх по почве из рыхлого глинистого сплава. На разбору очередного завала уголью невелик, а добычи не было. И люди отступали, переходили на другие горизонты, где залежи более податливые пласты.

Мы, конечно, знали о неудачах предшественника и все-таки решили испытать свои силы. Рассчитывали на эрзабетность новой техники, на железную рубашку и измывали у нас комплекс крепи, дюжина была усмирить непокорную лаву!

В первые дни так оно и было, и если бы не внезапный приток воды в забой, — но не только мешал работать, но и смыл весь уголь, оставшийся за комбайном. Целый месяц воевали с непрошеной гостей. Пробавил уголь, канавы и отводил их воду в выработанное пространство. Но и при такой ситуации удавалось в сутки грузить по 200—250 вагонеток угля сверх задания.

Ставшие верхним гидрофицированным комбайном крепи способны выдержать давление большой толщ пород. Но конструкторы пока не могут дать агрегат, одинаково устойчивый в ряде сотен метров пластов. Не стал исключением из этого правила и наш забой.

Мы учли опыт лучших горняцких коллективов Донбасса, которые используют комбайны для забоя лавы средней длины — 110 метров. Особое внимание обратили на освоение техники молодыми шахтерами. Над рессе рабочие, например, Николай Щербатыч и Михаил Виноградов, передавали секреты мастерства Юрию Манойло и Михаилу Калимуско. Заместителями мы в других бригадах и омет рассказали своим коллегам.

И все же подземная стихия не сразу покорилась. Ожидая 14 секций крепи вместе с комбайном так заказано поначалу, что их нельзя было ни вперед передвинуть, ни отступить в сторону. Вот где проявился горняцкая смекалка. Появились десятки вариантов спасения крепи, но остановились мы на предельном, когда бригада участка Ивана Ключкова и званого Михаила Виноградова. Их идея была проста и легко исполнима: поплавать в канавке легкой секции подтягивались горизонтальным домкратом, а потом уже на свободном пространстве восстанавливались. Вытащили и комбайн, те дни в бригаде трудился без лишнего спора. Особенно отличился в этой операции комсомолец Владимир Волк. Анатолий Захаров, Виктор Пономаренко Юрий Манойло и другие тоже трудились понаблюдать нам, чтобы ликвидировать аварии. А еще через несколько дней сумели и долг погасить.

Но пути к скорейшей добыче угля случались и другие преграды. Часто, к примеру, появлялась в лаве ланка кровли, удерживать которую можно было только специальными креплениями из деревянных бревен. Мы в рабочее время поглощали этот труд, были дни, когда вся смена вылавливала клеит. В такие тяжелые времена ком-то из нас вылезал участки. Но мы о беглецах не жалели. Знали, что одолеет уже не казавшиеся недоступным северное крыло, поэтому комлекс шагать через любые препятствия.

Плановый отдел шахты, учитывая настоящие горные геологи на нештатные крпы, определила суточную добычу в 800 тонн угля. Но нам эта цифра показалась слишком скромной. Ведь на других шахтах, где действуют комлексы, добыча гораздо больше!

Ребята горю обсуждали на комсомольском собрании встречный план и решили увеличить нагрузку на лаву до 1000 — 1100 тонн. Как раз в то время, когда приехали обязательные участки удельной мощности, новый самозабуривающийся комбайн ПШ-68, один из первых в нашем городе. Горняцкие содлали отличную машину с двумя двигателями, гидравлическим и автоматическим управлением. Теперь не надо делать специальные ниши внизу и сверху лавы, чтобы завести ременьчатое колесо, подогать угольный пресс. Это все он делает сам. Хотя и здесь понаблюдать помощью рационализаторов.

В соревновании за лаву-стационарную активно участвовали два звена. Фирмен сейчас идет звено Михаила Виноградова. Все горняки этого дружного коллектива выполняют нормы выработки на 130—140 процентов. А среднестатистическая добыча комбайна поднимала у нас сейчас до 1500 тонн угля. Успехи, достигнувшие в первую полугодия, позволили нашему участку перебраться на новые, более социальные обязательства и наметить новые. Ко Дню шахтера решили отправить потребителям 25 зеленую сверхплановую угля.

Алексей Иванович КОНОПЦ,
начальник
Никитинского управления
буровых работ № 3,
рассказывает
специальному корреспонденту «Смены»

Слагаемые успеха в нашем деле — точный технологический расчет, применение современного бурового оборудования, совершенных методов бурения.

На Самолетов мы широко внедрили устройство бурения, шесть вахтами и двумя станциями, задвигавшими за бригадой. Значительная часть бурения идет еще до войны, при бурении на море... с одного основания бурения, несколько наклонных скважинами. Опыт бакниев, прошедший проверку на Сахарово Канавке, в Татарии, удачно вошелся в Сахарово Канавку. Нам острова в бурении. С одного основания мы бурим до двадцати скважин, это снижает неточность бурения скважины времени и материалов, приносит эконоимический эффект. Значительно экономит время и бурение двумя станциями, шесть вахтами. Успешно применяя этот метод при разбуривании Шахтерских и Нефтегазовских пологими наем синх площадей и у себя. Я хочу подчеркнуть, что сорганизованнейшим образом привлек всех его участников и взаимному общению с коллегами. Сказавшись в бурении Мангышлакское море переименовать у нас. Но вполне реально и такая картина, когда метод работы, взятый из запаса нашего опыта, вернется к нам, прототипом творческой изобретательности наших соперников.

Сергей СМОРОДИН,
Альберт ЛЕХАУС (фото),
специальные корреспонденты
«Смены»

— Прямо тебе спасибо, неудачно ты приехал, Аварию у нас только что был. На обком станке «прихватил». Че-го ты так переживаешь?

(Из первого разговора с В. М. Несветайловым, буровым мастером объединения «Мангышлакнефть».)

— Сейчас сема утру. Я зашел к Виктору Несветайлову, чтобы вместе с ним и очередными вахтами ехать на буровое. На кухне, повернувшись, когда

Впритык друг к другу стоят комоды, самодельный крепкий стол, газовая лампа да еще изрядный стога дров — Юри и Пети. Они корявые жители Мангышлакские: романили здесь, в Новом Узене. А старший Миша, как и отец, родился на Кубани. На лето все тро уехали к кубанской бабушке. Трудно ребята переносить пустынное лето.

Несветайлов дымится по кухне легко, свободно, ловко уклоняется от столов, табуреток и плиты, как баскетболист, уходящий от опоек. Каждое движение его ладного большого тела кажется записанным заранее.

— Смотри-ка, в холодильнике заварка. Надо же! Я, ты же, ет тута суму?

Виктор споласкивает большой фарфоровый чайник кипятком. Рассчитывает великий динчик с чаем. Наследит чай, шаркает тонкую ладонь. Аккуратно. Ни одна чашка не упала.

Мне интересно посмотреть на Несветайлова. Движения у него быстрые, но без торжественности. Рассчитывает, но вовсе не спешит. Вскрикнув в буровой ящике, как Виктор помогает ребятам ремонтировать электродвигатель. Ключи, пассатижи или молоток лежат в его руке, как впаивание. Работал Несветайлов усердно, обратился с омерзительным азартностью алмаза как с живым существом. И даже молотком, выбивая какой-то шпатель, бил не с плеча, а с сожалением, вроде извинялся.

Двадцать отремонтничали, запустили, и он загудел ровно, шумно, и гул этот погнес в пустыню, путая верблюда, бродивших вокруг буровой. Верблюды и ухом не ведали — привыкли. Несветайлов прислушивался к гулу точной машины, и вид-

КАСАМОТЛОР-МАНГЫШЛАК

Мы не были еще на Мангышлаке. Делегация буровиков Казахстана побывала у нас, подписала договор о соревновании, наблюдала, изучала, как мы работаем. Приятно было узнать, что это повсюду во многом помогла нашим коллегам.

Теперь мы собираемся на Мангышлак. Обязательно поведет и Виктор Натвева. О многом ему предстоит поговорить с Виктором Несветайловым, буровым мастером из Узени...

Константин Антонович ШИШИН,
заместитель начальника объединения
«МАНГЫШЛАКНЕФТЬ»,
рассказывает
специальному корреспонденту «Смена»

Тысячи километров разделяют нефтяников Тюмени и Мангышлака. Не с каждым годом наши связи становятся все теснее. Можно смело сказать, что соревнование комсомольско-молодежной бригады бурового мастера Виктора Несветайлова с коллективом тюменских буровиков, возглавляемым Виктором Натвевым, — один из основных источников успеха молодых нефтяников Мангышлака.

Бригада В. М. Несветайлова в начале 1971 года была в числе отстающих. Сегодня на этот коллектив равняются многие буровые бригады. В третьем, решающем году пятилетки бригада взяла на себя обязательство пробурить 50 тысяч метров горных пород. Такого еще не было за всю историю освоения нефтяных месторождений Мангышлака.

Посмотрите, как росла проходка в бригаде Не-

светайлова: 1970 год — 22 000 м, 1971-й — 37 632 м, 1972-й — 45 109 м.

И вместе с тем мангышланские буровые бригады еще отстают от тюменцев. Так, Инженевартское управление буровых работ № 1 в прошлом году получило среднюю проходку на бригаду 47,5 тысячи метров. Причем средняя коммерческая скорость — 3 277 метров на станок в месяц. Узениское же управление нашего объединения соответственно — 23 тысячи метров и 1 707 метров на станок в месяц. А ведь месторождения Тюмени и Мангышлака имеют сходный геологический разрез, аналогичное буровое оборудование, одинаковые конструкции скважин, те же типы и размеры долот и турбобуров, буровых и обсадных труб и т. д.

Наши молодые мастера внимательно изучали и изучают опыт тюменцев и многое внедряют в своих коллективах. Мы понимаем, что путь и увеличение проходки и снижение стоимости метра проходки у нас с тюменцами один: не увеличение количества бригад, а повышение производительности труда на основе применения передовой технологии. Мы перешли на бурение скважин с двух заперенных для бригады буровых установок. Отмечу, что бурение одной бригадой на двух станках одновременно впервые в нашей стране началось именно у нас на Мангышлаке. В свое время тюменцы приезжали и нам учиться. Но потяг «двухстаночный» метод был неудачно добыт, и нашим буровикам пришлось учиться у тюменцев.

Переходим мы и кустовому методу бурения скважин, освоенному в Тюмени. Шире внедряем гидромониторные долота с новыми турбобурами, которые резко повышают коммерческую скорость, в чем мы убедимся, будучи на Самотлора.

Среди наших мастеров распространено мнение, что не надо давать больших давлений; целесообразнее

дуть насосы, меньше возни с ремонтом. Это неверно, Тюменцы, работая с давлением, используют гидромониторный эффект, сокращают число допленин и время бурения. Это наши резервы.

Следует также отметить, что наши буровики допускали серьезную ошибку, которая и сейчас до сих пор не играет первостепенной роли, они не стали заботиться о системе очистки. Если сложить потери времени от «прихватов» инструмента и недоходов коротанных приборов из-за гидравлического сопротивления, то потери превысят экономии от «упрощенной» схемы. И тому же новые турбобуры позволяют высокую эффективность при отличной очистке раствора и совсем неработоспособны при плохой. Мы в этом еще раз убедились, будучи у тюменских буровиков.

К концу пятилетки нефтяники Мангышлака должны выйти на уровень добычи 26,5 миллиона тонн. Обеспечить прирост добычи нефти завтра — значит иметь скважины сегодня. В этом году мы должны пробурить 510 тысяч метров горных пород. В 1975-м — почти шестьсот тысяч. Поэтому сегодня нам девиз можно охарактеризовать так: видеть перспективу, работать на перспективу! Мы знаем, что задача намется выполнимой. Это отличию поинтервалу наши молодые буровые мастера, которые выросли у нас на Мангышлаке, в последние два-три года. Совсем недавно еще один наш буровой мастер, Александр Кривин, заключил в Инженевартское управление о социалистическом соревновании с бригадой мастера Сабда Младина.

Нет сомнения, что соревнование между коллективами нефтяниками Тюмени и Мангышлака будет и дальше шириться и крепнуть.

ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПЕВЗАЖ В ПУСТЫНЕ.

но, что и они и ребята из вахты Сергея Тюнькина доклады двигать сами, выходящие «верхоу» самый старший в вахте — Владимир Владимирович Маркович говорит, полагаясь коды двигателя: «Вот и заработал». Добавляет философски: «Начало всякого движения в механизме — человек».

Ребята смеются. Несветайлов серьезен. Увлечение Яковлево силой заработной машины понята ему и, наверное, передается работам, потому что смеял обрывается. Как отрезает. Это — Соловьевиченко шлем с Виктором чай. Тихо. Только песок бьется в стекло да из крана падает вода. Несветайлов встает, бережно заворачивает кран. Я вспоминаю почему-то его вчерашний рассказ: «Тогда и год Майкович работал в Тюнькине. Только понимать после ремесленного что к чему на буровой. Встретился мне мастер. Он так людей проверял, которые к нему в бригаду просят: даст разную работу и просит задачу на треть, никто точно подкнуть. На треть! Не больше. Если кто рванет сразу на полную — не брал. Я потом понял, что мастер точно действовал. С первого взгляда кажется, что инструмент у нас тяжелый, грубый. На самом деле бурение дело тонкое. Ребят надо нежно. Аскавов».

Я осторожно спрашиваю про аварию. Про «прихват» на скважине 2239.

Несветайлов отводит меня сразу. С какой-то тихой, утешительной грустью.

— Там риск был. Особый случай. Шли на риск — да на все четыре ноги споткнулись.

Про аварию на пятдесят девятой мне подробно рассказал Володя. Володя — помощник Несветайлова. Бурная скважина на технической воде. До восьмисот — девятсот метров в узенькой выщине — бурение на воде дело обычное. После восьмисот уже бурит на растворе. Скважина шла хорошо. Пробурить за пять дней 110 метров. Вот четыре долота сменил. Пора переходить на раствор. А соды на буровой нет. И во всем управлении нет. Конец месяца. Вся сода вышла. Службники разглагольствую, соду «вбавляют». До пока выданы только обещания. Что делать? Ждать? Или попробовать бурить и дальше. Так приказывали и эдак. Породы вроде позволяют. Время дloro. Рысье бурение на воде — обходилось. Пока приказывали, бурение шло нормально. «Порочно» только гладко, — вспоминал Володя. — Ни сутки, ни задоринки... Сто с лишним метров оставалось до проектной отметки. Решили не ждать. Пронзи 50 метров — нормально. Еще пятнадцать тоже. 126-й метр. Всего-то сорок четыре метра до проекта. И как нарочно: вдруг упало давление, инструмент от забоя не отрывается — и пошло дело. Раскачивание инструмента, промывка, заправка нефти и скважину — ничего не помогает. Сутки, вторые, пятые сидим с Несветайловым на буровой. Вроде горячие нефтяные вапны начинают действовать. Вытащили пятнадцать «сечей». И слова как заколдовало: инструмент держит инструмент. Виктор все равно на своем. Работа понимал, почему Несветайлов уперся: как раз перед тем, как начал бурить пятдесят девятую, в управлении получили новый трансмиссионный шпиндельный турбобур точного метра. Единственный на все управление. Отдали его бригаде Ермина, не Василячука, а нам, нашей бригаде, и вот мы его «хороним». Обида. Еще какая обида. В общем, не вышло ничего. Оставил инструмент в скважине...»

Я спрашиваю у Сафонова, что он думает про этот рискованный случай. Володя пожимает плечами, несправедливо говорит: «Бурение. Оно и есть бурение. Как в нем без риска?»

Несветайлова продолжает тревожить эта авария. Видно, он про себя еще и еще «присчитывает» варианты по своему инструменту и снаряжению. Но кажется, все, что можно было сделать, было сделано. И снова, в который раз, приходишь к извечному вопросу: надо было бурить на воде или же остановить работы и ждать химвреанта. Эта мысль волнует Виктора, потому что все еще свежо в памяти, и он спрашивает меня: «Ты как думаешь?.. Вот Китаев Виктор Василявич на моем бы месте ждал или рисковал?»

Конечно, можно абсолютно точно высчитать, сколько бы времени выиграла бригада, если бы инструмент не «прихватывал» и скважину привели с ускорением. Или наоборот, можно до копейки подсчитать весь убыток от аварии. Все это подается анализу. Но...

Есть одно «но», которое, мне кажется, нельзя сбрасывать со счета. Характер человека. Характер бригады, который складывается из таких вот «крупных» рискованных случаев, как авария на скважине 2239, или случаев поменьше, которые тоже накладывают свой отпечаток на стиль работы буровой бригады.

Нет, совсем не случайен вопрос Несветайлова:

«Китаев на моем месте так же бы поступил или нет?» Виктор был у Китаева в гостях. Жаловал, что времени было в обрез и о многом просто не успел поговорить. «Надо бы еще раз сидеть на Самолоте», — говорит Несветайлов. — И надо даже не в тех или иных технических или технологических новинках. Другое мне интересно: как Китаев работает с бригадой?»

Несветайлов, на мой взгляд, прав. В конечном счете — это главное: работа с бригадой, работа с людьми. И если здесь ошибешься, не помогут самые совершенные турбобуры, самые мощные насосы. Потому что ко всем тонкостям взаимоотношений с людьми прибавляется еще один мощный и независимый фактор: работа идет в пустыне. Мангышлак есть Мангышлак.

— Мне говорят: «Напорился Несветайлов. Не рисуй». Бурчик. Не в этом дело. Риски должны быть обоснованы. Вот что я понял.

(Из выступления В. М. Несветайлова на разборе аварии.)

Выходим на улицу. Желтые клубы малягого как дуды мангышлакского песка летят надолго дном. Тонкие деревья, подвзванные веточками к колым, подливаются под ветром, всплескивая ветвями. Солнце заткнуто песком и краснеет, как раба.

— «Коэффициент» задул, — усмехается Несветайлов. — Поиммешь теперь, что такое «коэффициент» мангышлакский и за что его платят? Я тоже пытаюсь изобразить уямлык. Песок скри-

пит на зубах. Ветер отскребает с дороги, разбитой трубопроводами, песчинки, и они, вырываясь из-под колу, мчатся вальса ветру.

Вахты буральщиков Сергея Тюнькина и Ивана Чаусовского уже сидят в выщелетшем, десертном автобусе. Едем молча. Пять километров. Асфальт. Петляющий... Небо. Песок. Ветер... Автобус ободранными плечами преодолевает сопротивление бури. Актриса Светланича, чей портрет висит над шофером, задокновалею уймабется сквозь пыльную меду.

Узенькая вышина. Поворот направо, потом налево. Та самая аварияная буровая 2239, Вахта Хабибуллинна, которая работала ночью, летит к машине. Летит со свистом, с гириньем. Хабибуллин один ее торчком идет к Тюнькину.

— Забой 1155. Работать в норме... Надо сменить долото.

— Сколько за ночь прошаг? — спрашивает Тюнькин.

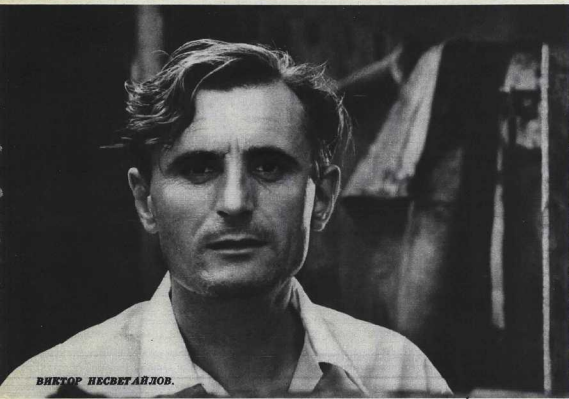
— Двадцать пять. Труб не привезли. Спустили две коротышки...

— Полагашки нет? Нет. Добро, — кивает Сергей.

Он становится за тормоз. Кола Белин — первый помбуральщик и Володя Озеров у «подсветника». «Да» Яковлево лезет на самую верхоуру, в альмак. Он верхоуры. Лезу вместе с ним. Обычное дело: подлезть инструмента. Если привезут трубы — будет и бурение.

Сверху с полатай узенькая вышина все как на ладони. Желтое бесконечное пространство с багровыми газовыми факелами. Белое кошение нефтяников разожгло костры у стальных вышек — домов. Они заменили вылоачные юрты чабанов, места бывших единственными хозяевами этих мест.

ВИКТОР НЕСВЕТАЙЛОВ.

— Пошла,— кричит снизу Тонькин.

— Есть пошла,— отвечает Яковенко по-военному. Тысяча сто пятьдесят пять метров стави по-подальше вверх. Лазг чешотки автоматического клача бурмашки. «Свеча» отвернута. Визу Базин и Сзэров ставят ее на «подсвечник». Вверху Яковенко правит за палачи.

— Сколькo работало,— говорит Яковенко,— а первая «свеча» самая тяжелая. Почему так? Или кажется?

Амалка у него чисто вымыта. Под рукой аккуратно разложены пеньковые веревки. Работает Яковенко сосредоточенно, по-умному: без лишних движений и суety. Вторая «свеча»... Седьмая... Восемнадцатая... Жилая на руках набухла. Только последний дождик «свечи». Только последний дождик разрываться. Тонькин подает точно, быстро. Он схватывает мгновенно и вес колонны, и усилие лебедки, и даину «свечи», и многое другое.

— Не знаю, как вышло,— говорит Яковенко,— а у меня «дожда» уже пошла.

Он смахивает со лба крупные капли пота. У Базина и Сзэрова визу «дожда» тоже идет: рубахи на спинах потемнели.

— Если бы не авария,— вдруг говорит Яковенко с затененной какой-то досадой, призывая очередную «свечу».— Давно бы уж новую скважину заканчивали...

— Зря рисковали, что ли?— спрашиваю я.

«Да» вроде не слышит. Мурлычет себе под нос: «Там, где пехота не пройдет...» Яковенко новее. Под Ленинградом был ранен в живот. Раньше дает о себе знать. Но он визу не показывает. Работа, которые вместе с ним работают, понимают, что «саду» не всегда легко. Относится к нему бережно. Делают это ненавязчиво, прикиньвак со сленой шуткой, то просто сбивая темп в работе.

Последняя свеча. «Сейчас, значит, долеем скважину, сменим долото и снова спустим инструмент. Потом промоемся и, кода трубы привезут, начнем бурить»,— рассуждает Яковенко, впервые, приняв говорить сам с собой здесь, на высоте, в одиночестве.

Он смотрит на пыльные смерти, гуляющие по площадке. Ветер гудит, обтекая буровую, и кажется, что вышку унесет в дурман.

— Я все думаю,— говорит Яковенко,— запречь бы этот ветер в работу. Чего он зря песок гонит. Пусть работает для пользы... Да... Ты спросил насчет аварии, насчет риска... Я все думаю, как предотвратить тоб понятно. Вот, поможем, собрались наступать. Разведка сведения принесла. Боезвас у бойцов сверх норм. Сосед слева поддержит огонь. Справа — тоже пойдет в атаку. Можно как сделать: сразу все силы бросить вперед. А можно — не все. Часть оставить в резерве. Мало ли что: разведка ошиблась, или враг что-то почуял и схватился, или у соседа справа атака захлебнулась... Наступаем — всегда риск. Нужно так сделать, чтобы меньше животов положили. Чтобы не было бесполезной работы.

— Кочкай перекур!— кричит снизу Сергеа Тонькин.— Спуск начинаем.

— Бурить можно и на воде. Но раствор надо иметь готовый. Как резерв при наступлении. Понимашь?

Робота визу уже сменена долото, замани раствор в скважину. И спускается по трубу вниз, задыхаясь с неприятной от горючего пылаемого запаха. Сергеа Тонькин подмывает: «Дает «экспозиция» прикурить».

«Дает» — кивает головой. Я смотрю, как работает Тонькин, а сам раздумываю над словами Яковенко. Сергеа работает у тормоза с уверенностью виртуоза. Глаза у него вроде как пустые, отвлеченные, но я знаю, что они видят все: и приборы, и неолокост Базина, отзаданного с приемом «свечи», и то, как «саду» наверху нажимает пеньковый аржан на слишком короткую «свечу», и даже щепка по калчке «Шпидаль», который вертается у буровой. Визта сработалась хорошо. До знакомства с бригадой Несветайлова я знаа другие буровые бригады и здесь, на Мангышлаке, и в Поволжье, и в Башкирии и понимаю, как это не просто видеть бурмашку и приборы, и инструмент, и вес своих ребят, ощущая в то же время скважину, вес колонны, усилия насосов двигателей и лебедки. Да еще каким-то «бюковым зрением» отметить игру щепки, гоняющейся за явиривками. И в этом всевидении бурмашка его тайна, его талант, его гордость.

Пыльная буря не стихает; но ребята, казалось, не обращают на нее никакого внимания: работают себе, и вес. Словно нет вокруг пылящего песка, быющего по стальному телу буровой. Наоборот, Тонькин все поддает и поддает темп, будто стараясь свою работу и мощиость двигателя буровой сравнить с работой песчаной буря. И, быть

ЖИВНОСТИ

РАССКАЗ

Я лежу на больничной койке. Надо мной высокий белый, чуть куполообразный потолок. Больные связи раскрыты, и легкие занесены, просвеченные с улицы, под напором воздуха бесшумно вздуваются, словно шарура.

В палате много людей, но их не слышно. Иредка прокуривает какой-нибудь старикан в пижаме, шаркая шлепанцами, потом вернется, вьеса в руках бутылку кефира...

Боясь в животе не утратить. Мне больно. И, главное, досадно, что все так неапо получасно.

Уехали на курорт родители — кататься на «России». На неделю я взад отпущу в институт, где работа лаборантом для стажера. В первый же вечер пойдю с Галей в кафе. И вот этот прокатный приступ... В кафе было жарко и душно. Мужчины сидели в распашонках и зваливали от жары. Я сидела в своей водолазке, современной и элегантной, и было мне очень плохо...

Сколько времени я лежу здесь, в этой палате? Если верить часам, всего полчаса. Может быть, час? Стоит?

В коридоре слышны какой-то скрип. Открываются настежь обе половинки двери, словно к царскому выходу, и в комнату вылезает столик на колесках. На столике миски с едой. Темнею эту толкает сюда тетка такого роста, что столик на колесках ей чуть ли не по плечо. Тетка толстая — вроде боточка или тубы. Белый халат едва сходится на шпине. Где-то в районе бывшей талии он перекачен тесемкой. «Ноги у женщины должны составлять половину от туловища», — говорила мне Гена. Его выгнали из художественного училища за профнепригодность. Но про женщин он запомнил.

Тетка — это? Тини-Томай — останавливает свою телегу и гнусавит с улыбкой:

— Колдунья-ребутика, ваще мать пришла, молочка принесла!

— Спасибо, тетя Поша! — отвечает «колдунья».

— Ай, вотского положаи? — говорит эта «колчанная мать», кивая в мою сторону.

— Подходите.

— Чт? Животики болит?

— Болит ли у меня «животики»?

— А вот я тебе яду привнесу! Хороший ледак, свеженький! Сестра-то была? Палет колола?

— Колола.

— Это, значит, аналог крови! То-то я ее встретила на лестнице.

Спасибо, чуж! «встретила»!

За дверью слышны шаги. Шелкает выключатель, загорается молочные шары лампы под потолком. К постели подходит мужчина в распашоночном халяте, с туго закатанными рукавами, под халатом — белая майка-безрукавка. Руки у мужчины мощные, волосатые. Садится на край кровати. Жмет пальцами живот, точно прощупывает что-то. «Нажимаю — болит?» «Отпускаю — болит?»

— Будем оперировать? — пронозисует стого.

— Оперировать?! Нет, мне нельзя, — говорю.

— Это почему же?

— У меня... соревнования по плаванию.

Мужчина отрицательно качает головой.

— Соревнований не будет.

— Ну, тогда...

— Что еще?

— Еше... чемпионат Европы.

— А ты кто?

— Я шпик.

— По радио услышши.

— Больно сказать вешето.

— Сейчас придет сестра готовить вас к операции! — говорит врач, внешне перейдя на «вы», и уходит.

В палате начинается движение. Мою кровать обступают люди. Слышны негромкие замечания:

— Им лишь бы резать! Обрадовались!

— Сяду! Беспокойной подоплывай! Разве можно!

— Искакает парни! Инвалидом сделают!

— Молодой человек, не соглашайтесь!

В палату входит сестра, немискоба, худенькая, чуть вертлявая, лет тридцати. Иногда она хрюнит губы, словно курящая, у которого во время разговора парится в утлу гря, и тогда ей можно дать все сорок.

— Сестра поминает мне, точно «своему» в доску.

— Ну, как настроены?

— В таких случаях отвечаю: «Боядро, идем ко дну».

Но я борчому:

— Операция опасная? Да?

— Кто сказал?

— Оперия.

— Ты их побольше слушай!

— Ты как неопытная! — допытываюсь я. — У нас одной девочке резали аппендикс!

— Желчный пузырь — это, конечно, не аппендикс.

— Что делать? Что делать? Я умею принимать быстрые решения на футбольном поле. У меня мгновенная защитная реакция на ринго. Но вот надо принять решение, после которого не останется оца, а вся жизнь. «Сделают инвалидом!»! Что это значит? Играть в козла на буйваре? А Галя будет в это время нырять с бортика в бассейн «Москва»? И все другие Галя будут проходить мимо со своими модами людьми по алаке буйваре, скользя по мне рассеянным взглядом?! Это — если инвалидом! А если хуже? Что может быть хуже? И оно, это самое, не где-то там, в неопытном буйваре. Оно может провозить так скоро, в ближайший час! Через час меня не будет! А где буду я? Тот самый я, который лежит сейчас в чистой постели, у которого так опитимо, так реально болит живот.

Во мне закрывал телом амбразуру. Шел человек вперед и знал: сейчас меня не будет. Неужели это возможно? Знать, что умрешь, и идти вперед? Нет, я тоже не трус. Случись война, и я бытл бытл, стану героном. Но сейчас? Зачем? «Не соглашайтесь, молодой человек!» Не соглашайтесь! А если он, это врач с волосатыми руками, все-таки прав? Кто подскажет, как поступить? Ринине, бывало, с презрением отвергла всегласные советы («Кованя, мать, кивная, отец, сам разберешься»). Сегодня я бы так не сказал. Кисею отцу всегда все ясно, он любую задачу решит на логарифмической линейке, и результат всегда сойдется с ответом. Где оно, родительское чутье? Продолжаются на дизель-электроходе «Россия», едет когальи «ко-кисея». Мать у меня чувствительная женщина. Чуть задержаться вечером, она полубылаи вылезает, и «Скорую помощь» раз десять позвонит. «Ах, я вся измелась!» У меня все, месяц дурные предчувствия! А сейчас, когда сын в беде, куда девался ее предчувствие?

— Нет, не могу я ждать, пока все решится само собой. Пусть телеграфирова на «Россию», пусть радирует. Ведь на дизель-электроходе «Россия» наверняка есть радио.

— Скажите, где сейчас может быть «Россия»? — спрашиваю у стоящего рядом старика.

— Вы, собственно, о чем?

— Дизель-электроход. Позавчера вышла из Омска.

— А! Не могу звать! — отвечает старик совсем по-солдатски.

А сяди меня кто-то шумно выдыхает и, будао разговаривая с самим собой, продолжает густым негромким басом:

— «Спринт, где она, Россия, по какой ружб твои?»

Только стихов не доставало!

В распахнутой двери пальцы втягивают высокий продолговатый столик, нереграиет синеватый, как скатерть, простыней.

— Ну, поехали! — говорит сестра.

— Как? Уже! А если я не хочу? А если я не согласен?

— Ладно уж! — говорит красная эта сестра и чмокает безнадечно утолком гря! — Поехали!

И мы поехали.

Я не знаю, далеко ли до операционной, долго ли мы будем в пути, но хочется, чтобы подольше. Я много раз смотрел в кино, как все это происходит. Ослепительно яркая лампа в виде веревочного тая над высоким столиком. Стройные женщины в белом с маршевыми фартушками на лидах. На абу у хирурга кавальки патла. В наприжонной тишине слышны команды: «Пациент», «Скальпель!», «Шпик!». На столе лежит что-то задранированное простынями. Что-то — это будау я. Все отработано, доведено до автоматизма. Успех решают секунды, доли секунды. Тук-тук-тук — перебой, тук-тук-тук... Это бытл мое сердце.

Операция еще не началась, но я уже слышу, как бытл мое сердце.

— Приехали. Странно, но операционная совсем не похожа на операционную. Здесь обычные негржи свет. Перевернуты таз-лампа не горит.

Возле высокого столика стоит отиода не строящаяся, а самая домашняя женщина, и каждая буйнично занимается своим делом. В никелированной коробке варится инструмент, варено мирно булькает, будао суп. Она из женщин, толстая, красносная, как с палятка, при нашем появлении умалбает в нос рот.

— А ну, давай его сюда! — говорит радостно, словно хлебосольная хозяйка хаты.

С катальки меня перекаивают на стол.

— Итиль, Галня, какого красянда откатыла! — говорит толстая.

— Можешь взять его себе, — фыркая, отвечает сестра, которая привезла меня сюда.

— Я знала бы, — говорит толстая, привороно выдыхая, — только они теперь топих любят!

Рисунок Владимира ЮДИНА

— Нам-то какое дело, чего они теперь любят!
Я лежу на столе голый, и вступать в этот заводной разговор мне как-то неважно.

А настроение у меня — ничто. И живот будто бы поутрих. А когда прощельная яркая стена та самая тета Нюля, по-домашнему гремя белыми эмальрованными тазами, тут совсем стало спокойно.

— Постепенно разгорается мерцающим голубоватым светом лампа над головой. Подходит врач, поглядывает вскося на мой живот, словно примеривается, где лучше пощипнуть. Сейчас вычистят! Посмотреть бы, который час, застать время, когда, быть может, в последний раз ждла на свете!
Больше ничего не помню.

— Ну, вот он, как огурич! — слышится насмешливый женский голос. Открываю глаза — дивный свет. Я хочу понять, где я и что. Непрерывно слышны шаги проходящих мимо людей. Мелькают белые халаты. Похоже, что лежу я в коридоре. Почему в коридоре? Ведь в коридор выносят... Но подумать об этом не успеваю, потому что перинт в горле. Невсклупивший, пытаясь кашлянуть, но камня вызывает резкую боль в животе. И в это время, как往常, кто-то пытается приподнять меня на постели. Куда? Зачем? Больше!

У задней спинки кровати на высоком стержне подвешена стеклянная банка с вишнево-красной жидкостью.

— Что это?

— Кровь.

От банки вниз к ногам моей тянется гибкая трубка. Это в меня валивает чью-то кровь.

— Чья? — спрашиваю.

— От эскимоса. Устраняет? — отвечает сестра, фыркнув. Это та самая сестра, которую, помнится, звали Галахой.

Какая она некрывалка! Рот схищно искривился, на щеке наклеяла из пластыря, которой раньше вроде бы не было.

Усталый, закрываю глаза.

— Надо бы поднять поныше, — самаю.

— Подожди, я подожму. Бери сто под микротки.

Меня берут «люди микротки», подтягивают подушку, а мне хочется орать и плакать, потому что это невыносимо, потому что все они чужие люди: и вы плавать на мои страдания. А своих поблизости нет. И не Галяка мне нужна сейчас, нет, не Галяка, потому что здесь, не плаж, не Сочи и не выставка собак. Сейчас мне нужны родители, только родители.

По коридору курсируют люди, словно по проспекту. Сестры в бес-

шумных тапочках пойдешь с резиновыми сумками клизм в подойтой руке. Стучат каблуками женщины-врачи. На груди у каждой вместо модных юбок и трубок для прослушивания, заправленным за пояс этаким никелированным узватою. Иные из прохладных останавливаются возле моей постели, шпуют пульс и уходят, не сказав ни слова. Другие раскрывают свою папку и делают в ней пометки. Да их и, должно быть, тема для диссертации. А отец с матерью, которым и единственный сын, а не подопытный кролик, ничего обо мне не знают. И никто не знает обо мне и знать не хочет.

Слышу над собой негромкий мужской голос. Это у постели остановилась каталка. Каталка высокая, не видно, кто лежит на ней, но голос этот грубый, незнакомый кажется знакомым.

— Телеграмму мы послали отцу с матерью. Так что не горюй!

— А дошла?

— Грудю сказать... Где там она, твоя «Россия»? По какой, значит, рублю, добавляет с усмешкой.

Каталка трогается с места.

— Подождите!— прошу я.

— Ничего, брат,— отвечает.— Торопит.

— Но вы вернитесь.

— Это ты у нас спроси.

— А кто услышавает. Мне скверно.

— Пить?— кричу я и сам не слышу своего голоса.

Но кто-то шепчет. Сестра слышит мне губы мокрой ваткой. Знала бы кто, какое сокровище эта мокрая вата, белая, чистая, прохладящая, обильная. Капля влаги попадает в рот и я с наслаждением глотаю эту каплю. Потом пытаюсь поймать губами вату, чтобы высосать ее.

— Ничь, какой пронырлив!— говорит сестра и, словно играя с котенком, выхватывает вату изо рта. Ехидная, безжалостная женщина!

— Не да обманиться, подожди ко мне со шприцем. На иглу выбрызгивает фонтанчиком тонкая энергичная струйка; потом укол—долгий, пронзительный. Я с ненавистью смотрю на эту сестру с крестообразной вышитой из пластыря на щече. А она между тем берет мою руку за запястье и, делая все на весу, с умином видом, будто повышает чего-то, долго считает пульс.

И вдруг боль начинает утихать. И происходит это быстро, заметно, прямо на глазах. Боль отходит, словно вода с берега во время отлива. Попробуй толкать! И все лучше, и все лучше!

Сестра хочет положить мою руку на одеяло.

— Не отпускайте!— поспеваю говорить я.— Посчитайте еще.

— Зачем!— спрашивает удивленно.

— Когда вы считаете, боль проходит.

— Вот как! Интересно!

Сестра смотрит на меня с любопытством, но руку не выпускает, а только садится на край кровати и сидит долго. А я засыпаю. Но не сразу, а плавно, постепенно, лирично, как инкогда.

Снова лежишь ватку на щеке. Но уже не просыпаешься снова от боли. Теперь я в палате, лежу кому-то в явры. Сзади меня и сбоку другие больные, и их не вижу, только слышу, как спят они и стонут негромко. Говорят экзистенциально. Двери в коридор открыты, но тут никакого движения. Можешь уйти, если хочешь.

— Сестра!— зову я.

— Не услышишь,— радается сзади.

Снова произносится медленно, с трудом. Но голос снова его.

— Кто вы?— спрашиваю.

— Я.

— Вернулись?

— Вернулся вот...—

— Хорошо!

— Да, неплохо. Сейчас мы ее призовем.

Он стучит железкой о железо, может быть, по спинке кровати.

— Техника!— бормочет.

Долго никто не идет. Где она, эта сестра, эта Галина с напалочкой на щеке, которая, несмотря на свое состояние, умеет считать боль.

В дверях появляется убитая женщина с глазами, холмным лицом. Поверх белого халята на ней еще байковая болоньевый.

— Что случилось?— спрашиваю строго.

— А где отец?

— Какая-то? Она одежуракла.

— Мне больно.

— Ничего не поделаешь!

И говорят уже!

— Сделайте ему укол,— говорит тот, сзади.

— Делали уже!— отвечает сестра, будто в пику ему.— Наркотики вредны для организма.

— Дочка!— слышится сбоку стерческий голос.— Заберн-ка утку!

Сейчас придет индус.

Но индус не приходит.

— Вот народ!— говорит сестра с досадой.

Прежде, чем встать за утку, она натравливает на руки перчатки из тонкой прозрачной пленки.

А тот, сзади, все усмехается.

— Культур!— произносит добродушным баском.

Сестра оживает.

— Это что!— говорит самоодиночно.— Вот я работала в НИИ, там культура! Получаешь вдвое больше — и никакой невротички. Но муж забрал меня оттуда из-за вредности.

— Из-за вредности, значит?— усмехается тот.

— Ми с мужом,— продолжает сестра, но я не слышаю, что они там ее мучают, какой из-за вредности прислала ее сюда на вашу голову.

Мне бы дотерпеть до завтра, мне бы пожелать сплечь, мне бы заснуть.

Эта ночь длится бесконечно. Только зардеваеть— кашель, боль, пробуждение. Слова зову сестру.

Приходит недобройнакая, засыпая.

— Что за народ!— возмущается.

— Народ!— это у нас вrede ругательство!— замечает тот насмешливо...

Самолеты летают круглосуточно. Может быть, отец с матерью уже в Москве, мчатся сюда с аэродрома, вот-вот появятся на пороге. На улице за окном проезжают редкие автомашины. Иная будто тормозит, и я ожив-

ляюсь в надежде. Но это обман, машины проходят мимо. «Жизнь проходит мимо» — был такой фильм.

Зардеваеть, что по-прежнему, оказывается, что давно рассвело. Хлопают двери в коридоре. Тетя Нюша, кряхтит, протирает влажной тряпкой ашюлеуный пол.

— Ну что, поделачего?— спрашивает.

— Не оченно.

— Вот придет Галина, мы тебе процедуру сделаем!— говорит, подмигивая чирком, точно будто устает медовым припирком.

— Нишя!— зовет старик.

— Аня!— кричит: простыни, к примеру, или другое белье вы потом стираете или вытираете напроп!—

— Стрелем. А как же!— говорит тетя Нюша.— Разве нового напачестья?

Но старик не успокаивается.

— Ну, а есм, скажешь, от похобинка...

— От похобинки тоже страпем... А что?

Хлопают двери в коридоре, наступает новый день, новые долгие часы, состояние из мигну, состояние из секунда.

Мне больно. Мне хуже и хуже.

Забегает в палату та холмная сестра.

— Сейчас начнется обход профессора. Чтобы был порядок!

— Надо бы клизму сделать.— советуют тетя Нюша, кивая в мою сторону.

— Потом, потом,— поспеваю говорить сестра.— Сами понимаете, сейчас не до клизм!

Наконец появляется Галина, оглаживает придирчивым взглядом палату, словно проверяет, не украл ли вас без нее.

И на меня смотрит критически.

Я рад приходу Галины.

— Подуйте пульс,— прошу я.

Она убаюкает спящего.

— Сейчас мы проведем одну процедуру,— говорит доверительно. И она с тетей Нюшей «протравит процедуру». Вот стмь, вот позор! А как они могут!

И тетя Нюша просто сияет от радости, что все так удачно получается.

— Ай молодец! Ай молодец!— похваивает.

Они уходят, а я все думаю, как они могут!

Тот, сзади, проснулся.

— Жалуют они нас,— говорит он.— Мы ведь и сами способны на многое для тех, кого жалуют. Для детей, например, слюны.

— Но мы не их дети!

— Это все с какой стороны смотреть. Вот у меня один сын по родной. А второй родной. Где тут проходит рубчик?

— Жаль, что жаль, жаль, жаль, жаль, жаль, жаль. Но он, оказывается, только говорит про рубчик, а сам в них нисколько не верит.

— Рубчик, рубчик! А тут его знает, есть ли они, рубчик! Делам мы для удобства жизнь на калитках, у каждой свои границы. А на поверку оказывается — границ нет! Все плавно! Все едино!

Что ему едино!

— Свои ан дети, чужие? Дети! А семья? Где кончается твоя семья? На войне это взвод. Не поешь в одиночку и не поспишь. Да что там взвод! Служба на первом этаже, кухня, тыловая, пространный, и туалетуш. За собой несешь Россию. Но то был фронт. На фронте все истинные выписываются. Потом, конечно, многое спуталось, расплылось мы по своим благоустроенным квартирам.

Галина снова заходит в палату, на этот раз с чистым бельем в руках. Вместе с той толстухой, которая, будто кофта на опереши, они пересаживают меня, поправляют постель, и я опускаюсь в свое мягкое, удобно устроенное ложе.

— Спасибо, Галина!

Обратно «Галина» — смеется толстуха.

— Что у тебя в щеке?— спрашиваю у Галины.

— Это ее один ужасер смазал,— ехидничает толстуха.

— Помогала ли?— говорит Галина, скосив на толстуху глаза.

— Не люблю — не люблю,— доходит та.

— Кто ее бьет? Кто смеет бить?— спрашиваю.

Положе, что прошью мою сутку. Я засыпаю, и наступает ночь. Я просыпаюсь — и это завтра новое утро. Меня лечат, за мной ухаживают, меня навещают больные, но лучше от этого не становится.

Делаю обход профессора, но даже не останавливаюсь у моей койки. Вместе со свитой прошел к тому, что за моей головой, и они долго стояли там, перекашывая испуганными фразами.

А за ним ухаживает жена, молчаливая женщина с золотыми серьгами, которая уходит ушла. Она ходит от кровати к столу, пересаживает в стакан какое-то жидкостное, процеживает, размешивает, поит из ложечки.

И мне предлагает:

— Покушайте.

И выливает мне в рот ложку сока. Всего одну ложечку! До чего же он вкусный, питательный, животворный этот сок! Тот самый сок, который я пил, бывало, у стойки, небрежно зреломете на мраморный прилавок, она ставлявшая, не ощущая ни вкуса, ни радости. Как мы жили! Как небрежно мы жили!

Снова томительная ночь, и снова никого нет со мной. Отец не едет. Телеграмма пришла, это ясно. И Галина не является. Галинаברה меня, тоже естественно. Я никого не жаду. Я ни в то что больше не верю.

— Но наступит утро, и в стеклянном квартире вдруг появляется лицо Галины. И он осматривает она палату на этот раз, все ан на месте, а озоборочено глядит в меня, только мне меня одного.

И я делаю я здесь!— хочется мне сказать.— Иди сюда!

И я делаю такой жест руки, как младенцев, призывающий мать, не вводя ложечку, а одним выливает.

Но она разглядеть. Она поехала.

Делаю смотрит на меня через ан телека, а потом, пропуская голову в приоткрытую дверь, говорит, мотая головой:

— Я не могу, я без халята.

И все мотает головой отрицательно.

ЛИПЕЦКИЕ

ЗНАМЯ — ЛУЧШЕЙ БРИГАДЕ.

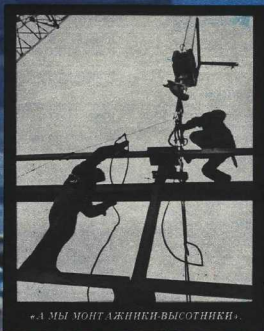

ИДЕТ ОПЕРАТИВНОЕ СОВЕЩАНИЕ.

ТРИБУНА «КОМСОМОЛЬСКОГО ПРОЖЕКТОРА».

ЗОРИ

«А МЫ МОНТ АЖНИКИ ВЫСОТНИКИ»

САМАЯ ТОЧНАЯ СЪЕМКА

По призыву ЦК ВЛКСМ десятки тысяч юношей и девушек уезжают на Всесоюзные ударные комсомольские стройки. В отряд «Корчагинец», работающий на строительстве Липецкого металлургического комбината, вошли лучшие представители советской молодежи из всех союзных республик. Подвиг строителей Комсомольска и Магнитки подхватили их сыновья и внуки.

Владимир ФРАНКО,
Владимир ЧЕЙШВИЛИ (фото),
специальные корреспонденты
«Смена»

БУДЕМ ЗНАКОМЫ

Невероятно, как до сих пор смогли выстоять здесь эти Березы. Среди разваленной котлованной земли, под громадами порталных кранов, в суете стройки, на переплетениях дорог... Да каких там дорог! Леша Брасович сам каждую смену прокладывал их своим «ИрАЗом» по лесной вырубке, сокращая путь от экскаватора к месту отсыпки грунта; сам, на полной скорости развлекая борт о борт со встречными машинами, вприпрыжку проносился мимо этих запляснутых деревьев, а они продолжали стоять.

Часто сигнала, Леша лихо обогнал «МАЗ» с исполненным до краев кузовом бетонным раствором, потом тормозил у края шпандарной обочины двачки. Открыл дверцу, кривнул у рожке двигателя:

— Ну так что, пешком пойдем или поедем, а?

— Мне нужно на строительство инсперодно-конверторного цеха...

— Годицца.

Когда поехали, девушка все плакала, наткнул кортовой подпол на колени. Тяжелую машину мотало на виражах.

— Так что будем знакомы, Аленсей.

— Лена.

— Очень приятно. Между прочим, друзья зовут меня Лешей. Вы тоже можете так звать. Если услышите про десантника, то это опять будет про меня. Служил в воздушно-десантных, или, по-нашему, в голубых беретках. Правда, еще некоторые называют Лешей-останцем. Просто вырос в Парну, с эстонской группой и в отряд «Корчагинец» попал.

— Ой, правды! Так ведь в топе корчагинец. Из Свердловска. Только опоздала и не была с вами в Москве, а прямо сюда, в Липецк! Сдала в горком комсомольскую путевку, почему-то продолжали работать комсомольцы в детских лагерях. И все-таки, представляете, я добилась. Получила направление в бригаду... Ой, подождите, у меня же все-все закончилось.

— Наверное, на строительство подкрановых путей. На подкрановых свейска много корчагинцев работает. Эстонская группа, на Чечено-Игуазути... Нулевой цикл. Можете, на бетонирование послали, тогда с азербайджанцами или белорусами.

— Вот, наша. В комплексную

Мерцает черепица крыш.
Дождь шепчется с листьями. Ты слышишь.

Дождь над березою повес,
Где белая сначет вверх и вниз.

Ты слышишь. Дождь над роной пустой
Застигнет парус холостой,

Пройдет леса и кутора
И весел будет до утра.

И вдруг умолкнет, утомлен,
И с глас сойдет, как будто сон.

Ты встнешь краше, чем была,
И скажешь: хорошо спала!

Еще мне этот голос шоб...
И локон... И прилуность губ...

Еще я вечно в час ночной,
Еще люблю, когда со мной

И лес и парус за окном
Дождём овеваны и соню.

Ночь движется на ближний край
дошныи.
И звук засовов на вратах старинный
Уже никак не оставит нас.
Обступит лес, оставив наду мною
Два облачка лишь с белкою луною.
Под пылаком прогнется снежный наст.

Как хорошо вдруг погрузится
в тень,
Когда мякина уходит вверх,
как стебель,
Который пазнет снегом и смолой!
Люби! Вот радость. И не жди ответа.
Зовется праздник наш весною света.
И свет играет хвойною иглой.

Она не завершится, эта гонка,
Хоть тремки с безрасудностью
ребенка
Все сила — что нам умелся иной!
Нас свет вечно. И каждый мгновенье
Все ощущает это тяготенье
Всю жизнь стремился к тебе, и тебе
одной.

бригаду Золотухина Михаила Ивановича. Уницей-арматурщицей.

— А-а.
— Что?
— Ничего, просто. Вы, извиняюсь, кем дома работаете?
— Я! Парикмахером. Мужским мастером.
Леша, переключая передачи скорости, рассмеялся. Лена нагнула на колени подол.
— И всего ничего не вижу смешного.

— Да нет, я не в том смысле. У нас тоже Валав Никмеорг агрономом работала, Айма Клауэ — техником-теплогором на швейной фабрике, Тома Рабурина из Костля-Яван в детском саду медсестрой была. Даже кассир магазинной есть — Галя Матюшкова из Нервы... А раз вы парикмахер, значит, все. Стригусь под Котовского!

И оба снова смеялись. Машину то и дело заваливало густой пылью. И все просят: справа — громады цехов, домен Новолипецкого металлургического, прославившего Липецкой Магнитки, а прямо и слева до самой крошки леса частокломо высились Башенные краны Всесоюзной ударной.

Леша остановил «КрАЗ» у пропыленных берез и показал Лене, куда нужно идти. Неподалеку огулгашинню рычал бульдозер, и Леша крикнул вслед девушке:
— Так как несчет того, чтоб под Котовского!

Лена покосила на уши: ничего не слышно.
— Как твоя фамилия? — крикнул громче Леша.
— Полонская! — Девушка прислонилась ко рту руки. — По-пол-скави

Леша еще что-то со смехом кричал из кабины «КрАЗа», но бульдозер теперь заглушил все. Сады непереломы сигнализировали бензовоза.

ШПАЛЫ И КОСТЫЛИ

Раскиная земля буквально засыпала ногою. Особо, когда у человека на плече было что-нибудь под вид тяжелой, свердлившей краснотом железнозорной шпалы. Даже через подложные брезентовые рукавицы невинно давят плечо.

— Стой Стой, Куно!

Мудрый вперед по шпалой Куно Пас, не оборачиваясь, спросил:
— Что там случилось?
— Что, что! — разозлился Вадим. — Я сапог потерял!

— Так ты найди его, — посоветовал Куно.

— Остался где-то след! Я стою на одной ноге, понимаешь?
По тому, как намало подрагивает на плече шпала, можно было догадаться, что Куно рассмешило событие. Да покуда все о нем вспоминали со смехом, но в ту минуту комсорг корчагинец из отряда «Эстония-73» Вадим Верховский принял, кажется, единственно правильное для себя решение.

Куно Пас проучивал, что шпала подлась вперед, и зашагал дальше.
— Нашел сапог, Вадим! Эй, комсорг! Сапог, говорю, нашел!
— Нашел, нашел...
— Я же сказал, найдется.
А вокруг смотрели, как один из корчагинец со шпалой, подтянув шапанин, шел по грязи босым. И бы-

ло в той необыкновенной картине, пожалуй, нечто символическое. Сменяются поколения комсомольцев, но молодые всегда самоотверженны, всегда одинаково одержимо стремятся к подвигу, пусть маленькому, пусть всего лишь для самого себя... Во имя него выпрыскала сюда направление выпускника Бороневского индустриально-педагогического техникума Тая Язрубиня. Чтоб «было после в жизни что вспомнить», удавал-таки директор завода «Южкопалосенки» отпустить его Ваня Головова — заводила-гармонист и комсорг браянских корчагинец. Сейчас строит возле будущего коксолодо-конверторного цеха стоволую.

Или вот корчагинец из Чечено-Ингугетии. Муслим Ашвев пробывает идуно создать эсперидный оркестр «Салвамы. Идея стала общезнарядной. Горком комсомола дает инструмент в обиходнице, но сейчас не до «Саламы» ребята постановили не уходить с объекта без выполненной нормы. Легко сказать!

Объект на дне огромного глубокого котлована под, отделенное непокрытой разливной стали. Официально всему этому названье — нулевая цикла. Бригада строит здесь подкрановые пути. Ей подвозят песок, гравий, укороченные шпалы, рельсы, наклады, костыли. Остальное уже зависит от умения, силы, выносливости и, конечно, оптимизма.
Умения, познтия, силыва на было ии у кого сил завтавоу ненадоого, с выносливостю оказалось еще хуже. Не оставяла только жизнерядност. Даже в самые трудные часы под, ночью рабочего дня, когда хотелось сесть на ячуж песка, уронить гудящие от усталости руки, Муслим брал наперевес лопату и начинал ис-

полюить партию электрогитары. Сава Цыплятников превращал другую лопату в контрбас. Вступали трубы, трюмны, ударные инструменты.
Такого тут ветераны еще не видели. Удалялись тому, что вагистры довольно быстро освоили неизвестное для себя дело — как завраскосу строители с заблудными дангами при укладке рельс, ловко забивали в шпалы костыли.

Постепенно и робот повивался этакя степенност. В разговоре тепаринико не скажет, допустим, выбрать лишний песок из-под шпалы, а непременно — «лодрезать шпалу». «Шлопаты» на их профессиональном языке означают трамбовать песок деревянными лопатами, «шить» — забивать костыли. Зато для большого молотка на длинной ручке придумали всеоло название — кувалдомегр.

Однажды утром они приехали на работу и увидели в котловане на своих путях установленную платформу бешеного крана. Формы самого крана еще лежали на земле, монтажникам предстояло его собрать, установить, а корчагинец с криками курали пригласил подбрасывать кирпич, разматывать косынки. Так по непростоящему праздничной день.

ШАХ КОНЕМ РАДИКА ПЕТРОСЯНА

— Так-ак, — сказал Сахаров, осматривая присланное в бригаду население — походяю с подострада девчонку и двух парней-мажакцев. — Значит, хорошие, добровольцы! Пополнение кивунто головами.
— Это хорошо, — вздохнул брига-

Два часа на затмение луны
Мы смотрели, потом забывали.
Там клубились виденья и сны,
Открывались и тайны и дали.

Уже, призрачный делался диск
Над водою и горной дорогой.
Шорох крыльев и сваленный пилк
Двух летучих мышей нас не трогал.

Это все, может быть, потому,
Что устали мы нынче безмерю.
На веранде в восточной Крыму
Мы читали, делились, наверно.

Но когда световое пятно
Стало красным, а нежные грани
Источниками, как будто вино
Замерзло в прозрачном стакане,

Мы очнулись. В глубокой тишине
Над гранцею моря и суши
Двух летучих мышей две души
Вдруг смогли различить наши души.

Некрасивый, неровный полет,
Неприятная неловкая отшельничья
Эта попытка это являет
Так, как прочие жить не смогли бы.

Но есть доля и нашей вины
В их трюеве — мы жили при этом!
Свет пошел на ущерб... Летуны
Словно винты обдали нас светом!..

Вот и кончилось лето, прошло,
Отшлось... Мы спознались позже.
И едва ли возместит ремесло
Свет, который скупец все и строже.

Уже отпустили металки,
Как будто повязал туман.
Два белые пятны летели,
Как свечки, в ночи туманя.

Как будто единое тело,
Для взгляда являя опору,
Летели — лишь срочное дело
Позвать их могло в эту пору.

А, Впрочем, какое значение
Имело бы знание это,
Когда не влеченье — теченье
На край увлекло их свечею.

Я был им, как ель или камень,
А их уносило наивом,
Как поеду с друими отголками
Холодного времени рени.

Я был им, как ель или камень,
А их уносило наивом,
Как поеду с друими отголками
Холодного времени рени.

Рисунки Михаила ПАЙГОВА

Оставайся молодого,
Оставайся молодого
под бессмертию звездю
и над суетной водою!

Пусть хранит тебя природа
от рассвета детства,
от заката до восхода
пусть хранит тебя она!

Город, вывески, машины
и толпы курвожоров,
горяноватый цвет крушины,
дрогнувший в обходе рог...

На Кропоткинском, на Бронной
столбно пристыльтившим умов.
Голос брезжит полусонный
возле замерших домов.

Каждый раз я замарно
и приваиваю не могу,
словно дверю отворяю
печной птице, ветеру.

Эта может переприятится,
больше может не настать,
этот голос, ветер, птица,
эта золь и благодать.

Личь когда ты есть и зрима —
я живу, живу, живу!
Личь тебе неутоломо
заклинаю и зову.

И записки все и письма —
все, что чертит карандаш,
одного полны лишь смысла
и одной мольбы: когда жи

Я ожидаю окончанья дня.
Последие гудки на предде.
Коротый свет сивающего огня
Меня тревожит и влечет, как предде.

Как будто, завершая некий круг,
Подходит поезд, язгают сцепления,
Колес неторопливый перестук
Услышать только нетерпелю.

Стою я близко очень к полотну,
Там близко, что нельзя уже быть
Близко. Близко к блонке.

Сейчас, быть может, подойдешь
к окну,
Быть может, я тогда тебе увижу!

Но что тебе случайный переезд
И долгий-долгий взгляд у поворота,
Когда езда вовек не наедост
И вдоль всего пути встречает кто-то!

дир.— Девять-то что умеете! Ну, вот
так, как же?

— Таян. Казаченок. Фамилия у меня
такая. Окончила в Воронежке техни-
ческое училище. Каменичка второго
разряда.
— У-у. Молодец, Казаченок. Вырас-
тишь ты у нас в настоящего казака.
Только придется специальность бето-
нщицы приобрести. А ты откуди?
— Из Бау. Парсого в. Вениамина
Парсого. Можно просто Беник. Меня
дома все Беником зовут. Работал на
радиозаводе. Очень хочу приобрести
специальность бетонощицы...

— Быть тебе, Беник, бетонощицей.—
Бригадир снова вздохнул.— А также
плотником, арматурщиком, сварщи-
ком. Потому как бригады у нас комп-
лексная и делает все. Кроме разве
вот радиоприемников. Ты кто?

— Роберт Петросин. Работал в Сте-
пановске на обушной фабрике...

— Ну вот ты меня — смехнулся
Сахаров.— Подумай, уж не из гротес-
костеров. Лоудил, разберешься.
Дело в том, что я тебе пришлось.
Человек в работе все на виду. Точно
бетонощички признали сразу. Девонка
чувствовала себя на площадке увер-
енно, и почти не требовалась нич-
его объяснять: когда нужно, сама
брасалась поводить бетон, просилась
стать на вибратор.

Д. Беникчем получалось сложное.
Парень сперва попал на строитель-
ство, у него явно шла голова кругом.
И как случается обычно с неопытны-
м бетонощиком, он постоянно попадал в
нелепые положения. Попросил его
кто-то из плотников подать лесни-
ку — Беник долго метался по площадке
в поисках лесины. Посмеялись
над парнем и рассказали, что в
плотничьем деле лесника — это лес-
нина, нетолстая доска. После того

случай к Бенику в бригаде стали про-
являть поддельное внимание.

Зато Роберт Петросин заставлял
бригадных горюхи о себе забывать.
Сначала с легкой руки бригадира
Ивана Митрофановича его здесь пе-
ренименовали в Радика. Так вот, по-
степенно выяснилось, что тихий,
скромный Радик умев неполюко
работать. Иван Митрофанович с перво-
го дня наметанным глазом опреде-
лил в армине плотничью завтату.
Но главное, чем парень приобрел
авторитет, все-таки заключалось в
другом. Радик не пройдет мимо сла-
бо закрепленной стойки на опалуб-
ке — скрутой стает проволоку, шаток
перло помоста для надежности
придет несколько гусодами; при-
везут много бетона — пойдут вместо
перукура помочь женщинам.

Постепенно узнали, что Лицеяца
Магнитка у Радика — третья Всесою-
зная ударная комсомольская стройка.
Немского, смуглый, с узкой щечкой
темных усов, Радик заржал
энергией не только в работе. Поба-
скавая белыми зубами и черными
возбужденными глазами, он увлекал
одной идеей за другой.
— Заемд, — говорит, — столько леса
на подпорки щитов тратьте, да! Жалко
лес, да! Песчурый, что у нас в
Тольятти придумали...

Струдились в бытовке люди вокруг
рисующего коряжника. Радик пред-
лагает простую вещь: сделать метал-
лические полоски, в них отверстия
для стержней с гаечками. Получаются
универсальные стяжки для крепле-
ния опалубочных щитов.

— Понимаете, да? Не надо буд-
те пилорам, не надо будет скруток!
Понимаете, да? Десять лет будет слу-
жить... Сто лет будет служить!

Иван Митрофанович одобренливо
посмеивался. Но вскоре ему все же
пришлось дать коряжнику выговор.

Накануне сварщик не закончил ра-
боту на самом верху арматурного
каркаса, а с угла привалил бетон.
Кран готов был подвзгать его, бетон
преоставал. Сварщик где-то задер-
жался, и тогда Петросин, призвав
происловий к лоску старорычнй щит-
ной, держак кабелем, сунул за газ-
вую электроду, полез по арматуре
наверх.

Когда пришел бригадир, оттуда,
отсклеивая от арматурных перелетель-
ний, уже сыпались огненные крошки:
Радик варил. Юра Пашков, глядя на-
верх, проговорил:
— В шхматках это называется шах
коном.

Работать на высоте без страхового
пояса строго запрещалось. Сахаров
негодовал.
— Я ему покажу шах, покажу и
мат! Ну-ка спаз! Спаз! Коому гово-
рять!

Радик полку стового винизу брига-
диря и в течение минут стинулся
назад. Призвываясь, мол, привалил.
Показал на толстую проволоку и
большой палец.

После прихода бетона Иван Митро-
фанович сурово объявил пискому кор-
яжнику выговор. Помолчал, добавил:
— Накорюк, видать, приобрел.
Так что отстанься за него зеньвьям.
А этот ход конем чтоб был послед-
ним.

ГОЛУБАЯ РЕГАТА

Света никогда раньше не видела
барез в Ставрополе, у них степи
где-то, может, на юге, в предгорьях,

и растут, она не знает. Было у Са-
веты давнее желание: попробовать Бе-
ларозового сока. Не амгазеного, кон-
сервированного, а того, стекающего
по стволу дерева.
Полши они после приезда с Машей
Дороховой в лес, что рядом со строй-
кой. Увидели подставленную кем-то
под надрез на березе баночку с со-
ком. Решили попробовать да весь и
выпили. Там уж неслыханно получи-
лось.

А вообще, если не считать сока,
все у старопольских девчонок сви-
дывалось нормально. Нормально по-
шеллись в новом пятиэтажном об-
щественном, нормально попали в заме-
чательную бригаду бетонощицы,
нормально добивались в первые дни
работы, не чуя ни пыли ни ное.
Это о них, перуных из всего отряда
«Коряжничные», сообщила вывешенная
возле штаба строительнооповне:
«Привет комсомолкам Светлане На-
уменно и Марии Дороховой из брига-
ды Роренчука Ю. П. СУ-В! Союзная
редакцияе отстичина, девчани
№ 8. В 3 с. «звонилим норуку на
120»».

Видел бы кто, как они опивались!
Задельвали бетонным раствором
швы между плитками. Незаметно на-
чали соревноваться между собой.
Одна чуть раньше шов закончит, дру-
гая не хочет уступить. Улы и руке
может бросить мастером на ста-
ну раствор, а сдаваться никому не хо-
чется. Вымазались с головы до пят
и все же не оставались, пока не
выработали весь бетон.

Света и Маша — коротко стрижен-
ные, рослые, сильные девчата. Од-
на — заводской контролер, вторая —
воспитатель из детского сада. Под
стать им бывшая трактористка Тая
Переверзева. Четвертая коряжника

в бригаде — Алла Дамидова, Аляка — маленькая, востроносая, с голубыми сережками тачка. На Аляке просторные резиновые сапоги, и ей тяжело поспевать в них за другими.

Пари донимают Альку до слез. В обеденный перерыв соберутся перебраться в колхоз, пограть ей, конечно, среди длинных не удастся, но, чуть кто пасанет посылнее, сразу: «Алька, скидывай сапоги, беги за

мячом!» И она бежит, потому что такой уж Аляка сердечный человек. Проснувшись как-то Аляка среди ночи от всхливающей, тревожно прислушивалась, встала. Подсела к подружке на кровать. Начала гладить.

— Не плачь, Света. Хочешь, я тебе расскажу что-нибудь?

— Ой, не могу. Ой, глазонки мои! Резает, как стеклом!

Алька нагнула на себя пальтишко, бросилась вызывать «Скорую по-

мощь». Примчалась «Скорая». Врач осмотрела Светины глаза, закапала.

Диагноз краткий:

— Зайчиков навозила. Взгреть бы ваше начальство за несоблюдение техники безопасности!

А начальство тут ни при чем. Упростила девочки Мишу Бельских поучить их электросварке. Сами сразились с монолитом монтажные петьки!

Ну, Света и насмотрелась на ослепительную дугу — «наловила зайчиков».

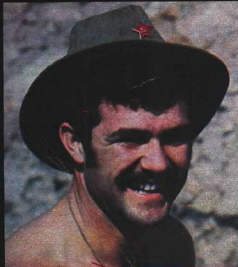
Мишка потом советовал завязать на ночь полотенцем глаза, чтоб не моргали. Еще лучше, сказал, положить на глаза под полотенце кружочки сырой картошки. Верное оказалось средство.

Прошло время, когда после работы никуда не хотелось идти, ничем не хотелось заниматься. Начали доставаться из чемаданов учебники, бигуди, пошли в ход нарсавет уютюг, заговорили о лекциях, санданка, те-

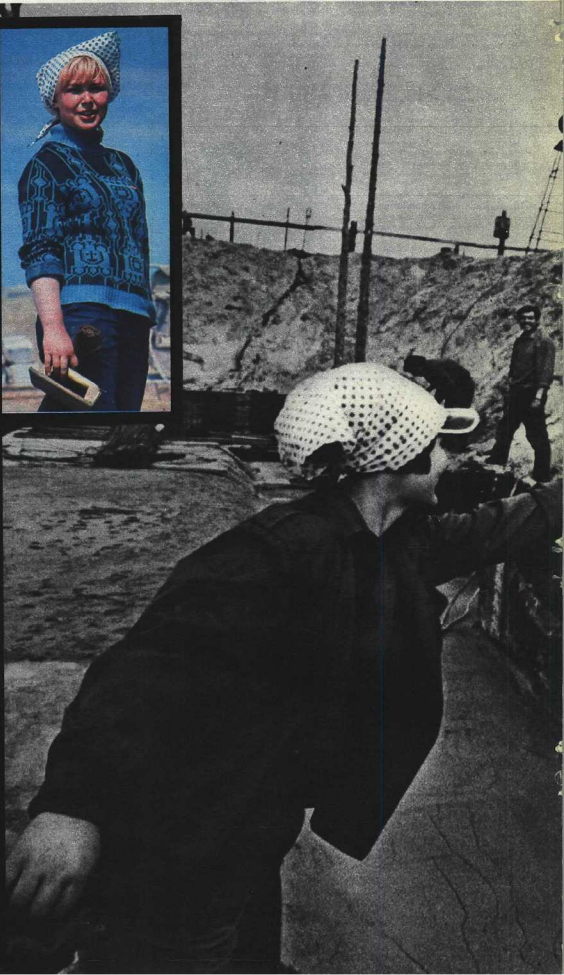
Г. УЛЬЯНИ СЕМЬИНОЙ ПРОВОДИТ ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ШКОЛУ.

КОРМАГНИЦЫ ТАТЬЯНА ВАЛДЕВА И АЛЕКСАНДР ПОНОМАРЕВ.

ПОСЛЕ ДЕМОБИЛИЗАЦИИ — НА СТРОЙКУ.

атрах, кружках во дворцах культуры, секциях. Алька уговаривала подружку пойти в какую-нибудь записаться вместе.

Маленькую Альку ожидал удар. Света и Маша посмотрели фильм «Королевская регата» и стали ходить на греблю, куда записывали только высоки. Девушки сначала ходили в специальный бассейн, там на подвижных сиденьях учились работать с веслом, потом их выпустили на воду.

Река Воронеж здесь разлита широким водохранилищем. В свете зари Балаят парус ахт, доносится треск скутеров. Ветер гонит по воде рыбы, она тихо плещется о борт и мягко колышет четверку-распашую. В такие часы после работы девочкам-бетонщицам уже видятся свои, как мечта голубая, регата.

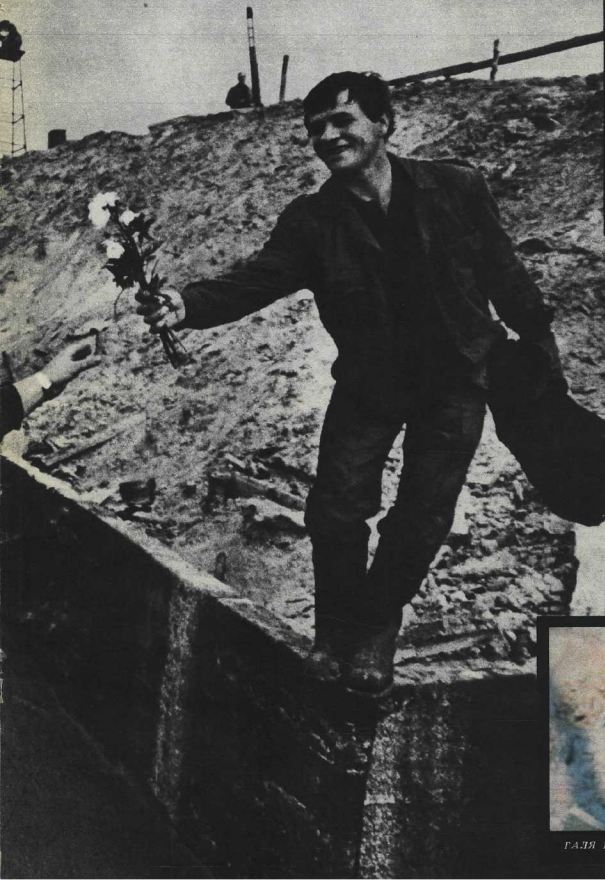
Тренер с катера делает замечания по технике гребли. Две новенькие предложили Молдаванову создать

команду для четверки из девушек-корчагинок. Если остальные окажутся такими же настойчивыми и крепкими, определено стоит заняться. Гребут корчагины еще не чисто, их весла то слишком глубоко зарываются, то срываюот с поверхности каскады брызг, но Молдаванов доволен.

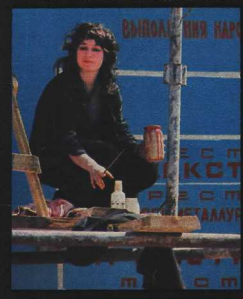
— Только лопаточка в воде, только лопаточка! — говорит он в мегафон. — Первый и третий держат ба-

ланс. Света, по прогнбй руки в кистях. Маша, не рви. Отлично. Вот так. Когда-нибудь все они, приехавшие сюда строить Липецкую Магистку 70-х годов, будут вспоминать свою юность вот по этим, сегодняшним делам, маленьким и большим, по неповторным липецким зорам с дымящим металлургическим гигантом, с незабываемыми березками на стройке, по всему тому, ради чего живет и трудится человек.

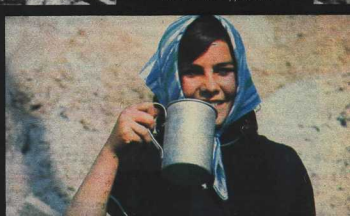
ПОДАРОК ОТ ДУШИ.

РАБОТЫ ХВАТАЕТ И ХУДОЖНИКАМ.

НОША НА ДВОНХ.

ГАЛЯ ГАБДАРАХМАНОВА ПРИЕХАЛА ИЗ УДМУРТИИ.

В 1972 году с Балтийского завода было уволено 123 человека за прогулы. По сравнению с общим числом балтийцев цифра эта кажется ничтожной. И все-таки сто двадцать пять работников, сто двадцать пять пар рабочих рук «упулились» с завода, а ведь в расчете и на них составлялся напряженный производственный план.

Эти сто двадцать пять человек должны были очень досадить администрации, чтобы их решили уволить. Для разветвленной, многопрофессиональной прогульщицкой существует целая система более мягких наказаний. Их клеймят позором в «молнии» комсомольского проморгера, стыдят на производственных совещаниях, им предоставляют отгулы в значительном количестве, отводят очередь на квартиру и, наконец, самых злостных лишают тринадцатой зарплаты и обсуждают их поведение на товарищеском суде. Увольнение — крайняя мера, на которую решаются с большой неохотой: на заводе не хватает рабочих рук.

«Разовых» прогульщиц на заводе уже не десятком. В прошлом году здесь зарегистрировано 1 405 прогулов: их совершили 893 человека.

Балтийский завод — первоклассное предприятие, доблестно выполняющее свои обязательства перед государством. На общем благополучном фоне случайные нарушители (на счету каждого, как видно, меньше полутора недельных рабочих дней) выглядят вполне безобидно. Но если данную цифру помножить на количество прогульщиц, обитающих на тысячах предприятий страны!

Нынешний, третий год пятилетия — решающий в борьбе за выполнение ее планов. Немалеромно вырастает цена каждой рабочей минуты, ответственность работника за дело, ему доверенное. Ежедневно газеты сообщают о ярких примерах самоотверженного отношения к труду. А рядом с передовиком все-таки унывает нарушитель дисциплины. В чем причина этого явления?

— Алексей Васильевич, почему бы, наконец, не стоит сформулировать, кто таков недисциплинированный работник!

— Это, конечно, не только прогульщик и не только тот, кто опаздывает на работу или любит посидеть в «куртилке». Есть и такая разновидность нарушителей — они являются на работу минуту в минуту и уходят вовремя, а работают — «челюсти дышат в тель». Дисциплина — это не просто формальное соблюдение правил трудового распорядка, это полная, сознательная отдача делу. Ни один мастер, ни один начальник цеха не знает, как ты можешь сегодня поработать: отдача зависит только от тебя. Дисциплина, конечно, невозможна без самодисциплины, которая проявляется не только на людях, но и когда человек один на один с собой.

Чем оборачивается недисциплинированность? Скажем, плохим качеством работы. Неожиданно звучит? Нет, плохое качество есть нарушение технологии, или, по-другому, технологической дисциплины. Вот и выходит: недобросовестный работник — он же недисциплинированный. То же самое можно сказать о мало знающем или сидящем не на своем месте человеке. Они иногда «нарушители» повелево, но окружающим от этого не легче.

В цех не завезли заготовки. Недобросовестным оказался завод-поставщик. Но и поставщик будто бы не виноват — ему вовремя не поставили материал. А тому — сырью. А почему сырью не нашлось? Оказывается, комбинат, обязанный выслать сырье, еще не достроен. Не достроен поэтому, что проектировщики не приготовили рабочие документы... Новая страна амальгамой общообщающихся сосудов связана в один организм. Я хорошо поработал — всем хорошо. Кто-то за тысячу километров работает плохо — и мне худо. Такая система умножает нашу силу, но может, оказывается, если на каком-то из этапов не долом занимающиеся недобросовестные, недисциплинированные люди.

Есть ведь и такой вид дисциплины — исполнительская. Если бы все распоряжения исполнялись вовремя, обязательно исполнялись, какие бы резервы открылись!

— Вы знаете, наверное, об интересном опыте завода «Светлана» в производственном контроле исполнения? Там создана инспекция контроля исполнения; она вооружена электронной машиной, в задачу которой входит напоминать о сроках работ. Если кто-либо не выполнил поручения или не успевает в указанное время, его лишают части премии. Как сообщил в своем интервью «Правде» генеральный директор объединения Л. П. Флаатов, почти каждый документ выполняется с первого чтеия.

Рабочая трибуна «Смены»

С Героем Социалистического Труда, депутатом Верховного Совета СССР, тов. Серго Орджиникидзе имени Балтийского завода имени Серго Орджиникидзе Алексеем Васильевичем ЧУЕВЫМ беседует специальный корреспондент «Смены» Лина ТАРХОВА

— Такой четкости в организации труда стоит поучиться руководителям и другим заводам. Мы привыкли говорить, что ритм жизни людей уже ускоряется. Убыстрится и ритм производства, цена рабочей минуты растет. Значит, растут и убытки, которые несет общество из-за недостаточной дисциплины.

— Что, по-вашему, делает человека нарушителем? Как, например, выявить условия труда, его организацию, обстановку в коллективе на отношении к делу!

— Мы недавно выполняли срочный заказ — ступали ледокол. Это было дело всего завода. Вся производственная цепочка — от закладки породы на станке до вспомогательных цехов — была наэлектризована. По ходу выполнения работ появлялись «молнии», успех каждого становился известен товарищам. Обстановка создавалась такая, что мы за два месяца горы свернули. Поскольку заказ шел срочный, вовремя обеспечивали фронт работ, сбоя в ритме нельзя было допустить. В эти два месяца, сколько я помню, не возникло разговоров о дисциплине. А в обычных заказах на предприятиях и отношении обычное. Начальство может клеветливо заявить, что добьется поступления материалов, а слова не сдержит. Вот тебе и простот. Отсюда идет ценная реакция — рабочие расклеиваются. И тут же начинают звучать слова дисциплины.

— Кроме материальной, здесь есть и моральный убыток. На производстве больше поступает «железные» правило — сколько бы ни было простоев в течение месяца, за последнюю неделю штурмом, авралом план все равно выполняется. Это не может не действовать развращающе. Разболтанность работника — прямое следствие разболтанности производства. Вам не кажется, что для некоторых рабочих опоздание, про-

Надежда ЖЕЛЕЗНОВА

Грядущий барометр моды проназывает «перевенно». Эти перемены складываются из едугианов повороте моды и классическому стилю. Пышнейшей осенью модельеры адресуют молодежной аудитории прямой силуэт, прертерривший значительные изменения и обновленные современными деталями (одежда стала объемнее, шире, линия талии подчеркивается поясом и небольшая напуском на лифе), остается в моде и прилегающий силуэт (его отличает расширенное плечо). И только молодые рекомендуются силуэт «стрелочка» — сильно расширенный низу, с крупными свободными складками. Вот та основа, на которой мода строит свои разновидности предословия.

Первую вешалку в осеннем гардеробе им должны предостануть пальто. Но не тошу традиционное пальто, которое носили еще лет пять назад: у молодежи оно утратило свою популярность. Приминая проста: сегодня множество ансамблей самых разных «значков» и назначений планируется таким образом, чтобы и пальто, и куртку, и платье можно было носить с брюками. А длиннее (даже до колена) пальто с брюками неудобно. Поэтому новый вариант легкого осеннего пальто — укороченный (от 3/4 до 9/10 обычной длины).

Длина. Какой она будет этой осенью? По мнению модельеров, не стоит опасаться нового массового «нашествия» мини-моды, обычно укороченная длина (10—15 см выше колена) надолго останется в спортивном ансамбле и в гардеробе молодых. Тем, кто поставила в осенней коллекции этого года предназначена длина пальто, костюмов — по колени или чуть ниже.

ВНИМАНИЕ ДЕТАЛЯМ!
НОВЫЙ ВАРИАНТ ПАЛЬТО.

Мирослав МУРАЗОВ [фото]

Разнообразие силуэтов и длин — характерная, но не единственная привагата нынешней моды, в которой уживаются совершенно разные направления, а доминирующей спортивной стилистикой обретает носок зауженная благодаря милости форм, округлости линий в поясе рукава, лифа, юбки. Главная же особенность моды сегодня в том, что отдельные «особенные» вещи в нашей гардеробе теряют свои последние рубежи. Комплект — вот что позволяет нам из сезона в сезон практично и продуманно обновлять свою одежду.

«Какой осенний комплект, по вашему мнению, в наибольшей степени удовлетворяет запросам молодежи?» — такой вопрос я задала художнице Дома моды Иваса и Риги. Ответ был сходимым: «Платье, куртка, жакет, бричи с несильными пурти, шорты, юбка, рубашка».

Вариации здесь практически не ограничены. Например, укороченный плащ, который ринские художники расщепляют контрастной шнурочковой строчкой, можно носить с пуловером, свитером, легкой баузой из батиста и брезента, расшитыми от бедра и «надрывающимися» обувь на утопленной подошве «матформы». Ярко выраженный молодежный характер этого ансамбля подчеркивается деталями, дополняющими: в Прибалтике популярна отделка плаща или куртки искусственной кожей, заклепками, прищипками или наравное с ярким подтоном на рукавах костюма. Дополнением может служить и широкий яркий галстук. Художница Киева предлагает жакет — «шпатель» — с аппликацией из кожи, с вышивкой цветной шерстью по мотивам народных мастеров западных областей Украины.

В Киевском, Ринском, Ишине-

См. IV объ.

АКЦЕНТ НА СПОРТИВНОСТЬ
ДЛЯ ТЕПЛЫХ ДНЕЙ

Игорь АКИМОВ

Часть II. ТОЛЬКО ОДНА ПОПЫТКА

...День намаялся в аспирантской клетушке. Еще затеино через шпунты от стужи сугробы мимо распахнутого карнаса нового институтского корпуса проскочили в грингаузине под шиварным забором (гранит, чугуновые литы и подсолота) барак. В коридоре на полу единственный свижик след. Это, конечно же, Боря Одинцов, самая ренная птаха. Уме сидит возле телевизора, обделенный отвертками де плоскогубками, рефракторы отговсюду кто в красно-синие-желтый эббиринт проводов, а он обучилась, смотрит, не мига, будто магнетизирует прибор: дулает.

У этой коуры четверо хозяев; четверо аспи-

зи с настощими ученими почти нет: инерция мышления дитует отношение к спорту специфическое — меандское, развлекательное-болельщическое: «сила есть — ума не надо». Вот и приодрился самия становиться настощими.

Четверо единомышленников удивительно непохожи друг на друга.

Борис Одинцов, длинноногий и сухощавый (почетный мастер спорта, брал высоту 2,05), с душой романтической и поэтической. Когда-то мытарился, пытался заинтересовать институты современной темой: музыка и спорт. С Петровским нашел общий язык. Правда, музыкальные идеи шеф

БЕЖАТЬ К СЕБЯ

Документальная повесть об олимпийском чемпионе Валерии БОРЗОВЕ и его тренере Валентине Васильевне ПЕТРОВСКОЙ

Фото Анатолия БОЧАРНИНА

рантов Петровского. Маленькие столики: тетрадь-разложки — и уже занята все полезная площадь. Но уютно. И атмосфера хороша — добром веет. В такой комнате, помаленьку, часам можно сидеть; одышка душой, разговаривать о пустяках, а время будет лететь — не успевши! Однако ревизию эту мечту возможно лишь в обеденный перерыв. Тогда на столе появляется фирменная печеная картошка, и розово-прозрачная плита сала, и головки лука, и аджона — тоже собственного изготовления деликатес.

— Пиши! Только записывай точной! — предостерегают меня. — Это тебе не прстечки: meno будущего олимпийского чемпиона! В этом меню — весь секрет его мощи...

Вечером спортсменом, четверо мастеров спорта, четверо коммунистов. Чему же обучали в институте физику, понятно. А теперь из настощие книги по физике, высшей математике, теоретической механике, статистике, бионике, физиологии, биометрии, психологии, ивонетике и прочая... Совершенно новый мир. До всего приходится доходить собственным умом. Привыкать к иному труду, к иной системе мышления, применять иную шкалу ценностей. А свя-

зрелая: тебе другое нужно — и приоткрыть дверь в мир техники. Одинцов заглянул и понял, что здесь его призвание и судьба. Сейчас он не знает большего наслаждения, чем копаться в электронных схемах, разбирать, выслушивать новое. Уже одно авторское свидетельство имеет.

Виталий Полуцук — бывший десятиборец — механик, обстоятелен и интроверт. Его путь в Петровском был тоже не прост; теперь же он идет по самому фавориту идей Петровского: изучает режимы чередования работы и отдыха спортсмена. Реценты будут коварными: через сияние и час в томя и в яву нагрузку следует применять, чтобы достичь максимальной эффективности. Перетренированность и психологический страх спортсмена — вот против чего эта работа.

Жизней и какой-то весь праздничней Володе Старинову здесь совсем недавно. Он бывший спринтер и исследует спринт: в какую из попыток точно дайный спортсмен может достичь наилучшего результата? Знает этот, спортсмен в разных вариантах подает себя и пичу не асерирую, но руководствуясь ощущениями, а сознательно и с максимальной степенью вероятности.

Правда, почти вся работа еще впереди, как говорится, начать и кончить...

И, наконец, четвертый — Валерий Борзов. У него тема с педагогическим уклоном: программирование в обучении старту и стартовому разбегу спринтера.

— Что он парень хороший, мы и так знали, — говорит Борис Одинцов. — Да только ты... И, наконец, четвертый — Валерий Борзов. У него тема с педагогическим уклоном: программирование в обучении старту и стартовому разбегу спринтера.

— У нас две главные трудности, — говорит Виталий Полуцук. — Создать методику исследования и так действующую спортсменом; тренировка, поедком, думала, тянуть его придется. Как бы не так! Во-первых, он здесь каждую свободную минутку с нами на равных работает. Во-вторых, интеллигентный мальчик — не по характеру, не по статусу — науку знает. И наконец — какой у него багаж окаялся!

— У нас две главные трудности, — говорит Виталий Полуцук. — Создать методику исследования и так действующую спортсменом; тренировка, поедком, думала, тянуть его придется. Как бы не так! Во-первых, он здесь каждую свободную минутку с нами на равных работает. Во-вторых, интеллигентный мальчик — не по характеру, не по статусу — науку знает. И наконец — какой у него багаж окаялся!

— Он самый младший из нас, — говорит Володя Стадников, — но пример с него брать никто не постыдится. Во-первых, режим держит — такого я еще не видел. Чтобы рожку пропустить — поймай бог. Когда в аспирантуру поступи, чуть пригуби шампанского — и все. Во-вторых, он ни одной тренировки не пропускает. В-третьих, на коварной выдерживает. Ну, а насчет его скромности... Другого такого не было и не будет, наверное.

Судьба тренера не позавидишь. Не он бежит! Не он разрываться, терзает себя на стометровой. Он может воспитать из спортсмена Человечка: стойкого против ударов удачи и поражений, мужественного бойца и спокойного философа, воспринявшего свою жизнь как неразрывное целое. Он может научить спортсмена давать себе оценку, хорошо, даже очень хорошо, давая оценку всем. Он может рассчитать все до тончайших нюансов, так точно и мудро, как никакая электронная машина не сумеет рассчитать! Но однажды настает момент, когда ему уже ничего не прибавит, когда механизм, который он любовно отлаживал долгие годы, приобретает чудовищную инерцию, выходит из-под контроля и начинает жить самостоятельной жизнью.

И тогда тренеру остается только ждать. И за каждую минуту распахиваться чем-то вполне реальным и невосполнимым, которое порокает внутри; но он не будет знать об этом, пока однажды, через две недели возвратившись домой, увидит испуг в глазах замайра на пороге жемни, а потом оно бросится к нему на грудь и будет шептать: «Господи, что ж это! Ведь ты постарался на десять лет!»

Если же все от него зависело. Но бежит не он. Последнюю точку ставит не он.

Шесть лет они работали вместе, и все эти годы к нему было олимпийское отношение. Шесть лет были стреплены этой целю. Затолпены олимпиадами. Нездетризованы олимпиадами. Отравлены им.

Они услышали свои «Монумент извядкий день. Их встречали эти слова и провожали. Они перели ему навстречу, содрогаясь от нетерпения, забываясь от скорости, от предчувствия счастья. Все было впереди; все время — впереди; все только еще предсказано.

— Настюха мсорубид — сиянет после Борзова на мою просьбу охарактеризовать Монумент двумя словами.

И еще одно не менее важно: Олимпиада осталась позади, а они какое-то время все еще продолжают жить в преддверии. Они перели, пока однажды не открыли вдруг, что цель исчезла, а значить, и усилия потеряли свой смысл. Инерция еще несла их вперед, но внутреннее горение — уже сгорело. Предсказано, непредвиденная остановка. А что будет после, пока не смог бы сказать никто.

— На чемпионате Союза, который проводился в Ленинграде, Олимпийский чемпион — Петровский, — подошел к Янису Луксону, чтобы поздравить его с мировым рекордом. Рекорд был установлен во время скандинавского турне,

беремет. Не нравятся мне эти истории. Не припомню, чтобы немцы когда-нибудь сроки переносили. Не похоже на них.

И Борзов остался в предбаннике, откуда судьи за пять минут до старта выводят спортсменов на дорожку.

Тренер же американца повел своих гарниз на тренировочное кольцо. Однако Роберт Тейлор тут же возвратился, устроился на лямке, дажде глядя закрыл.

Борзов не придал значения повлеению американца. Подумал только: Тейлор чего-то вернулся — тут же он начал забегать. Коририорском, но в общем-то был все же забор, сосранением достигнутой на разминке внутренней гармонии. Достигнуто случайно его взгляд упал на таверсаров. Там был Роберт Тейлор! И американец деловито воззрился на установленные стартовые колодки. Что это за видеомагнитная запись? И почему так Кроуфорд? Нет, не похоже на запись. Значит...

Борзов стремляя интуиция. Азурно. Одно слышавшего встала на дорожке, а тогда другой же вцепился мертвой хваткой буквально в пяти метрах от дорожки. «И Борзов! Я должен бежать сейчас! Это мой забег!» — кричал он судьям, но те спохват не слышали, а служители давай выгонять выпроводить его со стадиона вообще. Тогда будущий олимпийский чемпион предостерога, что он умеет не только бегать, и уже членовывающего стоя на дорожке, готовый отстоять свое право на стенометровку хотя бы и кулаками. Впрочем, это не понадобилось. Здесь его оставили в покое.

Эта стенометровка парадоксальна в практике Валерия Борзова. Обычно только фанатееры грозят выбить из ритма. Никто их предостерегает заранее, ни в общем-то ждешь, принимавшей их как неизбежное зло, как техническую сложность — спохватно и деловито. А в этот раз все было как обычно, все как всегда, но из привычной ширинеры из холодного в горячие. Не до внутренней гармонии! Едва успев отшатнуться — вперед!.. Торопливо установив колодки, он думал: если бы вынуждены выскочить из привычной ширинеры же я буду бежать! Неужели только на этом же!..

А бег получился. И старт и длинное ускорение — все давалось непринужденно легко и непринужденно. Проконный план — вылететь Тейлору вперед, чтобы услышать его бдительность в финале, — сам по себе отпал уже потому что тот, кто Тейлор бежидежно прогнал старт и сразу отстал. Теперь где-то сади он ругился с Кроуфордом, а Борзов шел вперед. И хотя старт совсем не напрягало, но те доде почему-то все не могли его достать, хотя он слышал, что оба идут на пределе... Короче говоря, так и не разобравшись что же происходит, Борзов метров за двадцать до финиша бросил бегать, докатывал по инерции, потому что победа в забеге была ему обеспечена, а в большем он пока не думал. Но когда стало известно, что эти сто метров он преждал за 10,07 по электронному секундомеру, что равнозначено приблизительно 9,85 по ручному, то есть новому мировому рекорду (увы, никто теперь не регистрирует рекордов по ручным секундомерам, а по электронным — только выводит, цена им теперь выше — на целых полторы секунды; потому и топчутся нынче спринтеры в два раза тяжелее стала для них десятая секунда), он расстроился. Ведь отработав он дистанцию в полную силу, хотя бы в свои обычные девять десятых, может быть, рядом с новым мировым рекордом уже было бы близко его имя. А теперь еще и так будет, когда он повлется — немедленная внутренняя лямка, адронирование, ломающее самые смелые представления о доступных человеку скоростях.

Стал тут забег уроком для Борзова и Петровского!

Или Спидмэйкер — нет. Потому что нельзя было рисковать, а предельные скорости — это огромная вероятность травмы. Потому что задняя была другая: не рекорд, а победа. И с этой заданной они блестяще справились.

Ну а теперь Спидмэйкер...

Трудно сказать.

— Жизнь — это забег, — говорит Петровский, — в котором у каждого из нас только одна попытка.

Бежишь к себе. Все время бежишь к себе и пока борешься, пока выстраиваешься — ты на верном пути и тут же получаешь удовольствие. И он может оказаться неожиданно высоким не только для других, но и для тебя самого. Может быть, ты не знаешь себя, оно лежало слишком глубоко в тебе, и было извлечено не случайно или

ментой, а трудом, потом, самоотверженностью, самострашью — верностью себе.

Но если в какой-то момент ты решил: все! достигнуто! — если бросил бежать и только победно накатывавшей на свои финиш, — значит, с определенностью можно сказать: ты проиграл.

Иногда тебе приходится приглядеть к одному только Валерию Борзову — можно рассказывать бесконечно:

...о спринтерском финале, где Тейлор ждал рванца, должно быть, и не подозревая, что Борзов и Петровский к этому забегу отлаживали к формальности — настолько все было ясно; и они оказались правы, Борзов отстался легко, хотя отстал бежал не в полную силу; и финишировал легко, восторженно вскрикнул вперед, потому что для него непозволительно было такое выражение счастья, для специалистов же знак подценурного пренебрежения (не фототерияция видела, как Тейлор падает вперед — знак последнего отчаянного усилия, а он действительно сделал в финале все, что мог, — падает туда, где должна быть лямка, где она была только что — одну десятую секунды назад...);

...о финале на 200 метров, в котором американцы обидели олимпийца, но Тейлор же не пошел, но Борзов опять выиграл старт, а вперед прошал настолько технически совершенно, что не оставил ни Чарльзу Смити, ни Ли Бартоу никаких шансов. И американский чемпион Чарльз Смит удержался за ним, а затем сделал отчаянное усилие и почти достал Борзова, все еще надеясь, как он признался потом, что у этого стенометровщика не хватит скоростной выносливости и он не сможет в последние метры дистанции выдержать же немислимо! Это ж не его профиль... а Борзов только взглянул на него испуга, адруг прибавил и все было кончено, и опять он финишировал один с победой в секундных руках! (это поразилось фотокорреспондентам: он обещал опять финишировать так же и сдерживал слово);

...о финале старты 4 X 100, когда Борзов опередил от Синова палочку за ли четвертый, но ли пятый, и тут зрители помудилось, что все спорщики Борзова приоткрыли, чтобы дать ему выйти вперед и сравнить наконец с Эли Харто; правды ради, а выносливая оканчивая метрами велика — без малого десять метров, «но если бы нам пришлось бежать двести даже с темки гандикапом — а в его точно победил», — сказал Борзов, — а Мюхенке я все мог. И я ему верю: если бы мне пришлось в такой ситуации стараться он сумел пробежать стенометровку за 8,8»;

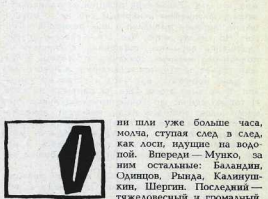
...о пресс-конференции после первого финала, на которую не позволили явиться второй и третий призеры, а журналисты изощрились в провокационных вопросах;

...о пресс-конференции после финального бега на 200 метров, на которую отказался идти уже Борзов, возмущенный поведением американских спортсменов и журналистов.

Не буду ввязываться здесь и в бесконечную полемическую историю «объяснения» журналистским комментаторам, которые до сих пор брызгают: мол, финалы не были убедительными и Борзов ничего особенного не показал. Спорить тут нет смысла. Был Мюхенк. Там было было.

Кстати, пока не забыл — уточню: ни Петровский, ни Борзов Олимпийских игр как таковых почти не видели. Лишь кое-что по телевизору; убедительно помнить, чему любил из нас, читатель, — берет первую энергию. Петровскому же было просто не до развлечений. Более того: да же спринт им не довелось только посмотреть. Только предварительные забеги Петровского являлись олимпийскими — по телевизору: так было удобнее, да и лучше видно, больше можно было разглядеть. Даже финалы на 100 и 200 метров Петровский смотрел по телевизору. Полагаясь лишь на язык поклонников спорта это должно утешить.

В конце хочу предупредить вероятный упрек в мой адрес: почему, мол, все Петровский да Петровский, это несправедливо по отношению к Востку, который являл лет вел Борзова и закончил фототерияция и его физической и психической готовности и мастерства — тоже. Ну что ж, огромной заслуги Востка я и не думал отрицать, но... ведь сказано: искусство начинается там, где нарушены все законы. Искусство — это искусство. На прикрашено фундаменте Петровского возвед здание и довел его до совершенства. К нему прилет талантливый мастер — из него Петровский создал великого спортсмена.

с резинкой надувной лодкой за пашьами — и впрямь напоминал матерого лоса-самца.

Новый день наступил, но солнце не смогло прогнать плотную завесу тумана и туман его лучи преломлялись где-то в высоте, так и не достигая покрова земли.

Признаваясь к валкому скользящему шагу Мунко, Баландин старался не сбиться с ритма и время от времени незаметно поглядывал на компас. Но всякий раз убеждался, что его опасения напрасны: Мунко вел отряд как по нитке.

Вспомнив прошлое, возвращаясь к временам трехлетней позиционной войны на Севере, Баландин пытался припомнить хотя один случай, когда бы Мунко ошибся. Но память отказывалась восхорестить то, чего не было. В пургу ли, в туман, когда бы случился Колаское побережье, летом и зимой Мунко находил дорожку, как находят ее вожаки пингвиных стад.

И Баландин успокоился. Теперь он думал лишь о своем деле об отряде.

Натруженно измучившись, продуктами и оружием, не спавшие уже больше суток, выможенные и грязные, развешивая представляли собой несвежее зрелище. А основные события ждали их впереди, и короче об отряде, хотя бы кратковременном, становился настоятельной необходимостью.

Но, оглядываясь открывавшуюся за очередным поворотом местность, Баландин не находил маломальски пригодную для стояния землю. Мунко полагалось и со сплюснутым сердцем посылать. Он грозил о бастине, о неприступной крепости, а к трем была только трава.

Поэтому, когда Мунко вдруг сонулся и пошел куда-то вниз, Баландин понял, что им наконец повезло. Глубокая и узкая котловина, классический средневековый овраг, по глинистым склонам которого журчал ручьи, тянулся на добрую сотню метров. Все та же трава росла на дне котловины, но это не было главным. Бастинским оврагом вали! Но только так можно было назвать высокую, ваданувшуюся в овраг площадку, крутые бока которой напоминали своей мощностью башни Зароски корового и прочего кустарника не хуже спиралью знаменитых МЭП! — представляли подступы к площадке. При случае здесь можно было задержаться полк.

С трудом выйдя навстречу из завитушек кустарника, она подвезла ноги и по краю оврага прошла на площадку. И теперь уже в полной мере оценили ее достоинства: открывавшаяся с высоты сбор, идеальная скрытность и потенциальная мощь площадки как позиции.

— Шабаш! — сказала Баландин, и это знакомое ребро мурово слово напоминало им многое: доверчивую Кроуфорд, могучие обводы стоющего на ледю Мунко, одна из площадок на воде, над плацдармами которых отлажено и четко, как звеня колочатого вала, меланжуют обжиганные торсы гребцов, бедавший тепло, кипение воды под форштевень, лас, искривляясь на валах жезла, с которых в один летящий брызги, толпы людей на набережных...

— Да-а, — протянул Калашинский, ставшая с полк вышедшая Баландин, — да, помню! — Петерге! Присядь в парке, да помню моя! — ну все тебе; и раки, и болбушка, и...

Продолжение. Начало в № 16.

© МЭП — маломальские прелестия. Проложить, изгнать сплетенные спираль.

Ша вали одна из площадок, подвезаемых во время шлопочных гонок.

лучшее в мире пиво под названием «Восковое». Сидеть за столом, а крутом фонтане и доверху в белых платках. Сидишь как у Христа за пазухой Поминш, Влас?

— Насчет Христа не знаю, а уж девушек ты не пропустил! — засмеялся Шергин.
— Да уж вам — скромно сказал Каминский. — Мне бы вашу комплекцию, Влас Зосимович! А я что? Как товарищ командир нашего славного «обьеса» семь лет на флоте, и все на кавычках!

Разведчик явно приободился. Он как раз не принадлежал к категории тех людей, относительно которых была сложена поговорка, но, как всякий блаженный судьбы, любил иногда поплакаться и похвастаться. А если сделать истинно, то многие женщины довоенного Кронштадта так или иначе принимали участие в судьбе Каминского.

Знакомые у него имелись во всех сферах. Офицанты обильно кормили его. В бараках ему откусывали пиво в кредит. Модастыри в санитари выписывали освобождение по любому случаю. И даже на гарнизонной гауптвахте уборщица снабжала его папиросами.

Женщинам нравился отзывчивый и веселый нрав Каминского, и они ткнулись к нему. Им казалось, что без их хлопот и ухаживаний Федор пролетит. Он не разубеждал их, принимая заботы как должное.

Наскоро, многие женщины альбом его и несли, чтобы прибрать к рукам, но от семейных уз Федор шаркался, как необъезженный жеребёк от упряжи. Так он был создан. Постоянно тыгало его. Женщины это чувствовали и прощали ему все увлечения и измены.

Лишь один раз Каминский чуть не влюбился. Это работала биометривей в городку, а ему как раз полюбывалась биометривей из Кронштадта. Он приехал в городок с друзьями, они стояли позади и жаждали прокатиться на самолетах.

Девушка у Каминского была, но он хотел еще раз продемонстрировать другим свою неотразимость. И попросил в кредит. Она отказалась.

Каминский не колебался ни секунды. Окепечко в кассе было узкое, а плечи у Федора — широкие. Он загорадил ими кассу и, отнеся часть противу их и окопелю. Она поборозила на него и вернула часть вместе с билетом.

Вечером он провозжал ее. Они шли по гулкой булыжной мостовой, и он изводившим рассказывал ей о пастухах и мусовлах, о шквалах и альбатросах в грозных тучах, о смуглолицых женщинах далеких южных морей.

В подходе он сделал попытку поцеловать ее, но она вырвалась и убежала.

Дожидалась воскресенья у Каминского не хватало сна, и он ходил в «самолучку». За это можно было попасть под арест, однако Федор рисковал не задумываясь.

Он однажды он встретил ее в парке с курсантом. Наверное, у нее ничего не было с тем парнем, но «измена» смертельно обидела Каминского. Он назвал курсанта салагой и толкнул его. Курсант не знал, о чем идет речь Каминскому, и пошел в бой. Нокаут последовал на первой минуте.

Вспомнив потом эту историю, Каминский во всевозможной обстановке курсанта. А что касается девушек, то ей признавался, что она ему действительно нравилась...

Зная по опыту, что сейчас начнутся душевные, телесные воспоминания, Баладин сказал:
— Я уже говорил тебе, что не люблю ходить на прием пищи — и спать. Все Дежурить буду я. Подем в двенадцать ноль-ноль.

Когда еще, Каминский, отправляя в рот рюмку с одесским американским кобальдом, Баладин сказал:
— А правда, командир, что союзники еще из околов делают? Мы один баталер¹ в Питере травил.

¹ Баталер — матрос хозяйственной службы.

— Неправда, — ответил Баладин. — У твоего баталера в голове опилки.

— Я ему же все сказала, а он мне загнул что то насчет синтеза. И крутогор от элементов в природе припала. В будущем, говорит, все будет делаться из побочного материала. Ложит доска, к примеру. Ты ее — в аппарат особый. Кнопку чик — поучай бифитекс с кровью. Делай воку, говорит, из нефти делать станут. Тут уж я, натурально, не поверил.

Одинцов засмеялся.

— По комбасу поверил, а по воку нет?

Каминский, как ковш, повеял на радиста фиолетовым огненным глазом.

— Комбаса, серый ты человек, дай жоулка. Он глотал перископ. А воку дай лупи. С кем и спрос особый. Хотя дай кто как. Да тебя, несобь, лучшая рыба — кобаса, а, пехота?

— Угада, — ответила Одинцов, игнорируя вывад Каминского. — Очень даже полезный продукт.

— Продаст! — передразнил Каминский радиста. — Ты еще по мануфактуру вспомни! До чего же ты скучный человек, сераяж, ну прямо божья коровка!

Чтобы остановить готовую вспыхнуть перепалку, Баладину пришлось опять применить власть командира.

— Сидеть! — приказал он. — А по тебе, Федор, четыре пушки — две на носу, две ближе к корме. Давно не сидел! Муть похолопает, когда вернется.

— Давно шен командир. У начальства всегда так: чуть что — сразу чуба. Как будто нет других методов воспитательной работы.

— Не вскоре все летело на помоец. Разморозенной сытной едой и навалешившей усталостью, разведчики уснули. Их сон был непродолжителен, но даубок.

4

В бивокл танкер был виден как на ладони. Задержит рифы, он жужжал с несомненным дифференциалом по номер, отчето казалось, что судно пытается и не может вытиснуть из воды свое промакное железное тело.

Баладин водрегулировал резкость. И тут, четыре пушки — две на носу, две ближе к корме. Пулеметы на мостике не в свет, с ними можно разделать похода. Главное, пушки. Да, батарея, вынесенная на три мили в море, совсем непохожа. Действительно, не дурак придумаю. Начальник разведки прав: авиация здесь делать ничего. При такой погоде и плотности зенитного огня с берега шансы на прицельное бомбометание практические равны нулю. Только угробит самолеты. Угробит не только стерж, а очко на пути авианта! Ни с какой стороны не обойти, расколочит из пушек за милую душу...

Баладин опустил бивнокл и обвел взглядом алжизных рядов разведчиков.

Он тоже разглядывал танкер: Шергин упрямо, но отрывая бивнокл от глаз; Каминский, наоборот, то и дело протирал анимы; мидо Ивана Рынд выразила почти детскую заинтересованность. Одинцов смотрел в окуляры, не прислоняя бивнокл, и выслушал слово «слова за предостережением в театре; один Мунко, как видно, не доверял технике, полагаясь на дальноразрешение рысье глаза, бивнокл бокался у него на груди.

Кого послать? Впрочем, едва обфигурившись, вопрос уже звучал риторически. Роль была распределена давно, и Баладину нужна была пауза, чтобы еще раз и окончательно утвердиться в правильности выбора и сказать об этом вслух.

Пойдут, конечно, Влас и Каминский. Лучше их никто не знает, что происходит сейчас. Шергин с его силой при необходимости голыми руками согнет орудийное тело, а сверхагения Федора заведет в свое время все флотские боксеры. Подрынное дело обложка, как табачку эм-

вожения, и ко всему прочему закадычные друзья. Все правильно, Влас и Каминский.

Баладин положил бивнокл на камель, переложил и знаками подыбал обоя разведчиков. Когда те подползли, спросил, кивая на танкер:

— Как думаете, какие там пушки?

— Предположения, — тотчас отозвался Каминский. Это было у него манере — говорить и действовать так, словно он находился на ринге, где на размышление даются доли секунды.

Тотчас — подтягивая Шергина — Баладин без хорошего оформления не поставив,

— Вышми бы устими, — усмехнулся Баладин, довольный, однако, тем, что мнение разведчиков совпадает с его собственным. — Значит, говорит, трехдюймовки? Я тоже так думаю. А теперь давай кумекать вместе! — Баладин похлопал, собиравшись с мыслями. — На танкер пойдете вы. Сейчас полный припят, так что время на размышление у вас есть. Готовьте лодку, заряды, конки!

С Оттавом давайтесь.

— Вопрос нет, командир. Есть предложение: — Каминский, как примерный офицер, поднял руку.

— Давай.

— До отмыла, командир. До морозника загоняная — шнест часос. А там темны, как в каютном ящике. На нашей гаюше шибко не разбейжись: в темноте звать то глано. А чутко просчитывайсь: вояк в море уснет. Вот я и думаю: может, пораньше отчалить? Часиков в восемь надать. Как раз и темнеть начнет. В туюю хлабь вес ни один альбомер не заснет, полтора, может, предствительней четьре¹.

— Ух, — выдохнул Баладин, — каадем полчаса часа на всю дорогу. Значит, к авадати часам прибудете. А там что, станете делать? Возле танкера бокаются или, может, сразу к японцам помете? — Замок к японцам, командир! Бои на том камушке отложись — Каминский показал на хорошо различимую гаюбу, торчащую из воды в каюбальце от танкера, формой напоминающую ту, на которой стоит в Ленинграде военный Петру Оттаву в любой момент в гости собираться можно.

Баладин задумался.

Плав Каминского был очень непохож. Действительно, вместо того, чтобы нырять в темноту на утлой лодочке, можно было простым способом сыграть этот вопрос с повестки дня. Единственная угроза, что лодку заметят, Опись риск! А то лучше, ожидание опасности, которую преданнись, или полное доведение! К тому же Каминский прав: дождь, видимость нулевая. Разглядеть крохотную шапку будет трудно.

— Влас?

— Зачем думать, командир! Федор в яблочко попал.

— Заряды сваять успеете?

— Четьра сваяе, не то что заряды! Ну что? — подумала Баладин, — вот и начиваете. Скажу раз уж это вышло! Не вспомнить. И все равно чувствуюсь себя как на вышке, с которой нужно прыгнуть.

Он отчетливо представлял себе все трудности, которые ожидали Шергина и Каминского. Немало будет добираться до танкера. Волна периодна, потом еще рифы перелавят надо. А там танкер, жемезный, скользящий надо. Не по трапу подымать. И за стальной автомат и вырывать. Правда, на Севере было и потруднее. Когда тогда с моря брала. Из воды — и прямо на скалы. Когда японцы выставляют Гадью? По логике — с темной. Значит, часос, а свитываждать. А свитывай Четьра Гадью? Часик в гадый — не унашеп. Надо прыгнуть обоя варианта. И сколько их, этих чубов? Двое? А если больше? В Обием, как всегда, уравнение со многими неизвестными...

¹ О и о н и — небольшие четырехпальце ястреб с тросом.
² ВЧ-4 — четвертая боевая часть на корабле, наблюдения и связи.

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

Он адась как в мышьяковом. Но еще не даришь за крошек. Однако дверь может захлопнуться в любую минуту. И не опередят ни они события, отпустив плашью?

Все это Баландин повнимал. Очень хорошо, без всяких натяжек и вставок. И тем не менее настойчивая мысль о возможности взорвать платину не покидала его.

Нет гарантий, как говорит Шергин? Есть. Пусть небольшая, но есть. Человек, у которого отняли родную землю и убили брата, не может питать верноподданнических чувств к захватчикам и убийцам. С этим надо считаться. Верно: жить хочется. С этим надо считаться. Верно: жить хочется. С этим надо считаться. Верно: жить хочется. Если он смеялся человеком?

Рассуждая так, Баландин внимательно присматривался к паниному. Тот сидел, поджав под себя ноги, глядя на разведчиков без страха и трепета.

Баландин видел, мыслит плашью. И неплохо знал их психологию. Как правило, они раскрывались в первые же минуты. Цепляясь за жизнь, большинство из них заскисали, торговались, юлили и в конце концов без утайки рассказывали обо всем. Некоторые не говорили ничего. Но таких было немного. Такие чаще всего вали себя нагло: пытались угрожать, выставляли немалые и невыполнимые требования, становились в тупик. Собственно, это было то же торгашество, лишь прикрытое громкими словами.

Кореец не походил ни на тех, ни на других. В нем не чувствовалось ни зависти, ни готовности ахать самоти тех, от кого зависела его жизнь, ни угловатого меланхолизма. Встретив взгляда Баландина, он не отводил глаз, ничем не выражая своего беспокойства.

«Нет, он не трус, — подумал Баландин. — И не предатель. Те ведут себя по-другому. На этого парня можно положиться...»

Назвав паниного «панярем», Баландин только теперь заметил, что тот действительно молод. Ему нет и тридцати. Он мой ровесник, если не больше. Наверное, его тоже где-то ждал мать, отец и братья...

Баландин больше не колебался. Даже среди немцев были честные и порядочные ребята. Как тот ефрейтор, который приносил орденам к ним в траншею. Он ничего не принес с собой, никаких документов. Просто он сказал, что инвадент войну и Гитлера. Его накрыло миной, когда он выступал

по радио. Его и операторов. Вместе с устиновкой...

— Серант, — сказала Баландин, — обьсьни ему все. Все, от алфы до ометы.

— Зря, командир, — сказала Калинушкин. — Как бы лоты не пришлось кусать.

— Не кардай, — оборвал его Шергин. — Не один ты кусать будешь. Поживем — увидим.

— Поживешь тут... — пробормотал Калинушкин.

Шергин молча показал ему похожий на гири кулак.

Однихов говорил долго. Кореец слушал не перебивая. Когда радист остановился, он некоторое время молчал, потом что-то сказал — решительно и резко.

Однихов обернулся к разведчикам:

— Он согласен. Он принесет оджку и поедет с Мунко. Он просит верить ему.

— Хорошо, — сказала Баландин. — Пусть идет. Мы будем ждать его здесь.

Никогда Баландин не испытывал такого неравно напряжения, как в эти несколько минут, когда, лежа у края площадки, он, не отрываясь, смотрел в дальний конец оврага, куда обегала блестящая от дождя тропинка. Час назад на ней появился человек, по ней он ушел обратно и теперь должен был появиться вновь. Или не появиться.

Уи Да-син появился неожиданно. Мунко успел лишь предупредительно поднять руку, а кореец уже скатился в овраг и, не разбирая дороги, устремился к площадке. Шуршал и колыхалась раздвигаемая быстрым толком трава. Сверху казалась, что по дну оврага катится сорвавшийся с обрыва камень.

— Во прет! — удивился Рында. — Как насканда-реннин!

— Застукал, — убежденно сказал Калинушкин. — Чтоб мне содохуть, застукал!

Все нелегально сжали в руках автомата, ожидая увидеть тех, кто нагнал на корейца толку страха. Но склом бы пуст.

Кореец между тем уже взбирался на площадку. Смышлялось его тяжелое дыхание и чважные размокшей землей под лопатой. Затем под краем площадки показалось его лицо, мокрое и тревожное. Однако эти тревога исчезла с физиономии корейца, едва он увидел разведчиков. Одним махом преодолел последние метры, он протянул Баландину перетянутый ремнем узел.

— Что случилось, серант? Почему он ичался как утореман?

Радист перевел вопрос.

Кореец принялся объяснять, возбужденно блясти глазами и показывая рукой узла.

— Факт, застукал, — сказала Калинушкин.

— Да подожди ты! — остановила его Однихов. — Никто никого не застукал. Просто Уи боялся, что мы не дождемся его. Ему пришлось запретить лошади, и он задержался.

— Какую еще лошади! — спросила Баландин.

— Он приехал на лошади. Повозка оказалась вон там, за оврагом. Он говорит, что на ослера лучше ехать. Если они прядут паником, их могут спросить, зачем они пришли. А так никто не спросит, все привычки, что Уи приезжает на ослерах.

— Молоток, — сказала Калинушкин. — Котолок вариант. Самих, Уи? Котолок, горю, у тебя варганит что надо. Тебя бы к нам на Батфлот. Адмиралом. Повозка бы в адмиралы Уи.

— Ну что ты талдычишь! — с неудовольствием сказал Шергин. — Ему же твои слова, как мертвому припарки.

— Много ты знаешь, бойман! Кровь из носа: насчет адмирала он усек. Усек, Уи?

Кореец вежливо улыбнулся.

— Видаль, — оборвался Калинушкин. — А ты говоришь!

Баландин все еще держал узел в руках. Напряжение склануло, он предоступовал удачу и не боялся отступить ее неосторожным словом или поспешностью. Однако времени оставалось в обрез. А если касались к завету, а еще ничего не было сделано.

Баландин протянул узел Мунко.

— Давай, — сказал он, — обьячи.

Мунко взял узел и скремас в траве. Когда он появился оттуда, разведчики не могли удержаться от смеха: нечего выглядел как заправский японец. Форма пришлась ему впору и была, что называлось, к лицу.

— Ну, Мунко! — только и вымолила Шергин. — А Калинушкин фетром прошепел перед немцем, каляши и разводку руками:

— Коме-комса! Наше вам с восточкой! Кравиане Калинушкина не поправлялось Мунко. Он посмотрел на него потемневшим взглядом:

— Не знаешь ты жизни, Федор! Гуляй, как сбился гуляй? — В устах немца эти слова звучали как самое сильное ругательство.

— Вот те раз! — притворно удивился Калинин. — К кому с уважением, а ои тебя матом! Какого-то сибико придумал.

— Сибико — это самка, — сказала Баладин. Разведчики снова засмеялись, на этот раз над Калининским.

— Ладо — пригрозил тот. — Я ему эту гусяню припомню! Не мог по-человечески обозвать змею!

— Все, — сказал Баладин, жестом прерывая веселье. — Он достае из-за пазухи пачку с картой. — Давай тебе озеро, Ун!

Кореси поменяла привидыла, потом ткнула пальцем в нижний обрз карты.

— Так, — протянула Баладин. — По прямой — километров десять. Учитывая рельеф и вид транспорта, дождем два часа. А? — Он посмотрел на разведчиков. Те согласно кивнули. — Отлично, привидыла должна Баладин, — посплет как раз к темноте. А нам что ни темней, то лучше. Теперь главное — взрывчатка. Ун, что можно раздобыть на озере? — Он говорит: — шерва Одишва — что не знае, есть ли там тол. Но бомбы есть. В складе на берегу.

— Что в аби, что по абу, — сказал Шергин. — Бомбы даже лучше. Две аутры килограммов по пятьдесят — и хватит. А для затравки пятюк шашек с собой возьмут.

— Дождь кетати, — подумал Баладин. — На себе бомбы не похрещу.

— Далеко от склада до плотины?

— Не очень. Ун говорит, что можно доехать за час.

— Подождит. Теперь слушай внимательно, Мунко. Приедете, пусть Ун тебя куда-нибудь спрассует. Маскарад маскрадом, но лучше не лезть на глаза. Дальше. Склад берите ночью, когда все уснут. Часового — хочешь не хочешь — придется снять. Дождис смеши и сивай. Тогда у нас часа два, а может, три в запасе будет, смотря через сколько они смеяются. Грузите бомбы и — к плотине. Ну, а там сами сообразите, что к чему. Да не забуде колеса обмотать. Чтобы ни стук, ни гроку, пона!

— Пова, командир.

— Тогда собирайтесь. Ваас, давай шашки и шуры.

— Лучше целый заряд взять, командир. У нас есть готовые.

— Добро. Заряд так заряд.

— Говарит старший лейтенант, — сказала Варут Одишва — а если к Мунко кто-нибудь пристанет? Разговорчивый какой-нибудь, вроде того, в транше? А Мунко по-японски ни слова.

— Это уж точно, — сказала Калининский. — Ни в зуб ногой.

Баладин покал палецами.

— Тут ничего не поделаешь, сержант. Будем надеяться, что любителей поговорить, не найдется. А потом — с ним Ун. Догодается, как закрутиться в случае чего.

— Командир, — подаа голос Рында, — а пусть Мунко зубы зажмет. Болит, мол, зубы, отжалитесь.

— А что? Верно, — сказал Шергин, — Иван молчит, молчит, а скажет — так в точку... Замотай чем-нибудь, Мунко, и мычи, если придется.

Баладин засмеялся.

— Придется заматывать, Мунко. Все правильно, ни одна собака не догадается. — Он стряхнул с пачки дождевые капли. — И вот что еще. Надо по возможности блуждать, подступая к озеру. На тот случай, если Ваас и Федор управятся раньше Мунко. А это без сомнений. Хорошо бы, конечно, сработать синхронно, но чудес не бывает. Плотину у черта на кулачках, а танкер рядом. Когда да пушки взметят, загорючись, сами зметут, как же поднимется. Тут и надо помочь Мунко. — Баладин опять смалнул капли с пачки. — Озеро — вот оно. И две дороги. Эта и эта. Первый так себе, вроде тропинки, а вторая гругтиска. Но место для засады есть. Мок. Видите? Стоит — лучше не придумаешь. Слева — болото, справа — море. Мост заминуруем. Это по троей части, Иван. Сделайте что надо и, если поедут, равнае. Не жлету — еще лучше. А тропку мы с сержантом оседаем. Сбор здесь, на площадке. Крайний срок — четыре тридцать. Иначе не выберемся. Судно будет ждать вот за этим мысом. Все. Как с зарядами, Ваас!

— На полчаса работы.

— Закрутитесь. Проверь все: кошки, трос, лодку, Мунко, готов!

— Готов, командир.

— Отрывайтесь. Бересь! — спросил Баладин, вида, что Мунко высмывает за пояс аркан.

— Ненец без тылея — какой ненец!

— Ну, смотри.

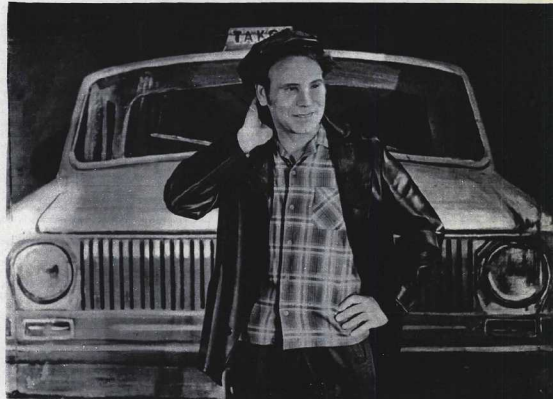
— Лакамбой, командир. Прощай!

Продолжение следует.

КОГДА ГОРОД СПАЛ...

СЕЙЧАС КОСТЯ ПОПОВ (Артист В. Кузнецов) Сядет за руль и...

НЕКОЛЬКО МИНУТ НАЗАД ЭТИ ДВОЕ БЫЛИ ЕЩЕ ЛЮДЬМИ СРЕДИ ЛЮДЕЙ...

Случилось так, что люди, призванные пробыть в мировых границах самоизоляции, оказались несоблюдящими предписания, что несомненно и конкретное то, что вынул им, иеративный, неуточивый подостатком — Альбинусу Рубонвану су и Владимиру Лансу — материй рецензент Алгис Кромой, и индетро школы, где учились будущие убийцы, и миснетор детской номаты миллионы, и родители, занятые своими взрослыми проблемами, оказались бинзориги. В итоге же в борьбе за юношеские души победили опитный преступник с глубоко армянобой всему человеческому жизненной философии.

Трагичен образ Альбинуса (актер Б. Юзев). Это он проявил страшную «мичантату», всякая нрок в слуху Попова. Активный, полный сил молодости, но лишенный элементарных понятий о человечности, с заторифицированными чувствами сострадания, Альбинус Рубонвансу убивает, и лишь два месяца, отдаляющие от совершенного преступления, спасают его от высшей меры наказания.

Далее лишь жизнь человека, Альбинус думает лишь о себе, жалеет лишь себя. Да, он твердо усвоил уроки Альбиса Юзевича.

Значительно сложнее характер Владимира Ланса (актер В. Мартанов). Лишь так соучастником убийства, он впервые всерьез задумывается о том, куда завело его бездумное существование. Поздно! Конечно, поздно, но мы уверены, что со армянами, отбыв назначенный срок лишения свободы, и люди вернутся другой Ланс — не инертный, а крохотными интересами человека, а зрелый человек, пробуждающийся от духовной спячки, испещриющий полную чашу заслуженного страдания.

Высшей точкой спектакля, его кульминацией становится момент, когда следователь Курбатова сидит со сцены в зал и продолжает свой монотонный, обращенный и равнодушный. Как трудно чинить слова! И как нужно верить в то, что их можно и можно. Можно достучаться до людских сердец... Стоять! Остановиться, быть чужие по асслаторам, сползающие и стаянам и в лабораториях, ускоряя

ющие шаги, чтобы опередить смущенную степенность, чтобы пусть любовью что живет в душе у молодого, мучительного, но дает человеку человека, оставит руку преступнику. Ведь не только он, убийца, несет на себе весь тяжкий груз преступления. Нет. Из крупиц равнодушия, из аргументов трагиста слогается не поправимое и общечеловеческое горе, имя которому — преступление.

Спектакль проходит на едином дыхании, большая зрелость в том опитного режиссера А. В. Бондарченко, возглавляющего труппу уже шестой год. Рассказывая о том, как создавался спектакль, Альберт Васильевич не мог не сказать о тех трудностях, с которыми сталкивался театр при его постановке. Когда готовился премьерный показ, немало сплетников, говоривших: «Больно уж и в нас все черно, ступайте краснее». Но театр был тверд в своем решении. И у нас видится высокая гражданская ответственность режиссера и авторов перед зрителем, которому всегда в любом победном споре принадлежит последнее слово.

Коллектива армянского театра не ошлось спектакль. «Двое среди людей» нашей самой горючей отклике в сердцах всех, кто его видел. Владимиру на центральном месте моральный аспект трагедии, создатели инсценировки и люди вернутся другой Ланс — не инертный, а крохотными интересами человека, а зрелый человек, пробуждающийся от духовной спячки, испещриющий полную чашу заслуженного страдания.

— Я смотрел на сцену и все думал, что же и должен сделать, чтоб не случилось подобное с моим другом, моим товарищем по парку, чтоб завтра его сын не поднял ноги на меня. Мы не имеем права прогнать! — так сказал один молодой армянский таксист.

Ребенок. Улыбающийся цветным лепесткам, радующийся солнцу и свету ребенка. Он должен стать человеком. Должен быть творцом, а не убийцей. Все мы живем и несем ответственность, что должны сделать, чтобы остротой ставят эту проблему, заставив нас вновь и вновь и вновь возвращаться, — гущая история авторов и коллективу театра.

Феликс ВЕТРОВ,

Сергей ПЕТРУХИН (фото)

итатели «Свины» наверняка помнят трагическую историю, рассказанную Арнардом и Георгием Вайнерами в документальной повести «Двое среди людей». Она печалится в «Свины» в 1980 году. В повести были все, так сказать, обязательные элементы детектива: погоны, розыск, запутанный следов и т. д. Все это так, однако глубинный смысл повести далеко не исчерпывался приключенческой интригой.

Вот что так, однако глубинный смысл повести далеко не исчерпывался приключенческой интригой. Водитель, молодой московский таксист Коста Попов спешит домой, где его ждали жена и мать, Альбинус Рубонвану, и Владимир Ланс, везущие на юг, к Черному морю, но у них не было ни гроша. И тогда... Криск свертелано раненого человека разорвал ночную тишину. Убийство. Убийство ради денег, ради бесшабашной, разгульных денюшек на солнечном пляже... Блеснул длинный кукольный нож, и Коста Попов упал на мостовую. А те двое? В один миг превратились они из двух разоблаченных юнцов, в тех, кого с ненавистью и презрением зовут убийцами.

Кем? Как можно случиться, что двое самодетективных облюбовос вопреки закону, Арнард и Георгий Вайнеры вынесли на страницы «Свины» чрезвычайно сложную, затравливающую каждого общественные вопросы. В своей повести они «давали» словам всем участникам разыгравшейся драмы — и провинным и провинным, старались осветить происшед-

шее со всех сторон. Пристально и тщательно разбирался он в том материале, что дала им сама жизнь. Вот отчего повесть «Двое среди людей» так сильно заделала за живое. Сегодня все персонажи ожили на сцене.

Криминальная хроника «Двое среди людей» — спектакль Армянского драматического театра имени А. В. Луначарского пользуется неизменным успехом у зрителей. Мы смотрели спектакль — Еписк, куда театр приехал на гастроли. В полной тишине, затем дыхание следов прерогативы, что происходило в свете переплетения эмпирического материализма.

Сопереживание — иной нерв театра. Если есть сопереживание, есть театр. А во время показа пьесы братьев Вайнеров контакт авторов с залом не ослабевал ни на минуту. Спектакль решен в суховатой манере, подчеркивающей публичностическое звучание пьесы. Приглушенные, сдержанные краски, тревожная игра пятен холодного света, вырывающего из темноты то одного, то другого актера, создают атмосферу душного эмпирического материализма.

Вот следователь Евгений Курбатова. Ее играет молодая актриса В. Дурова. В ее исполнении перед нами раскрывается человек мучительный и страстный, сходящий с поезда до ночи, что же все-таки толкнуло мальчика на дорогу преступности. Выполнение свой служебный долг, завершив следствие. Курбатова едет в тот город, где они выросли, делятся Паневжис. И здесь, встретившись с теми, кто должен был возместить душевные муки истинной человечности, она сталкивается с безразличием, наивной, формальным подходом к воспитанию, что, по существу, предопределило страшную развязку.

СЛЕДОВАТЕЛЬ КУРБАТОВА: «КАК ВЕРНУТЬ ИХ ЛЮДЬМИ»

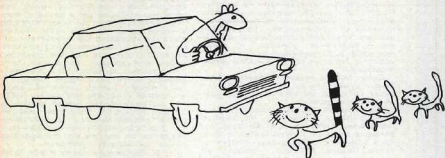

Рисунок Ионыса БЕРЕЗНИЦКАСА

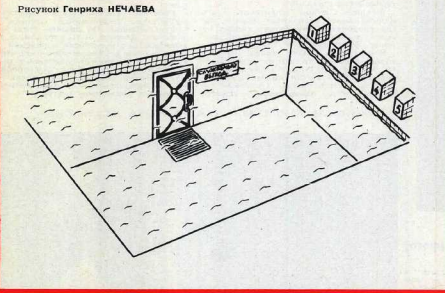
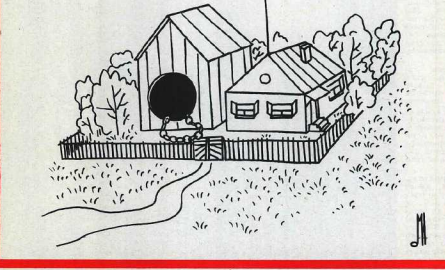

Рисунок Евгения МИЛУТКИ

Нынешний год на редкость богат крупными шахматными событиями. К ним вполне можно отнести наиболее весомые молодежные соревнования, такие, скажем, как первенство мира среди юниоров в Англии и юношеский чемпионат Европы в Голландии.

В августе в Англии на юношеском первенстве мира золотую медаль завоевал 20-летний мастер из Лланда Александр Болванский. Страны игры А. Белванского еще полностью не определены. Чувствуется его тяготение к целенаправленной маневренной борьбе. Вот типичный пример творчества этого даровитого юного мастера.

а в с d e f g h

Вы видите позицию из партии А. Белванского с юнионским гроссмейстером Э. Гурфельдом, сыгранную на последнем международном турнире в Сухоку. На очереди 14-й ход белых. Молодой шахматист, игравший белыми, после нескольких тонких маневров активными выходами пешки и слона оставляет своего молодого соперника перед лицом опасных угроз.

14. Фd2 — f2 Кe6 — b4. Позднее, предвидя, что соперник застывает немедленный размен белопольного слона пешкиными пешками, 4. К:33, хотя положение черных уже кажется катастрофически.

15. Кf3 — e5 Фe6 — e5 16. Сd3 — e2 e5 — e8 17. f4 — f5 Лb8 — c8 17. Обр. активно несколько лучшая была продолжение 17... Лf6, но черные не подарили о грозной опасности.

18. Сd2 — e4 0—0 19. f5 — e6 17. e6 20. Сg4. e6 — Крe8 — b8, надеясь ценою пешки завлечь мобилизацию и получить странные шансы. Но его юный соперник оказался дальновиднее.

21. Фd2 — g3 Фe7 — e6. Чувствуя, что рамен ферей в варианте 21... Ф:3 Кe2 22. Лe7 Кf3. Сг2 ведет к безрадостному для них окончанию, черные решают отступить, затем кона, однако «попытать рыбку в мутной воде» им не удается.

22. Сe6 c8 Лb8 — c8 23. Фe3 Кf3 Нb4 — c2 24. Кe1 — c2 б5 — b4 25. Кe3 — d5 Фe6 — a4 — 26. Крe2 — b1 б4 — b3 27. Кb5 — c3 28. e4 — 29. Кd1 — a1, и белые лошади на шахматной доске дальнейшие материальные потери для них нестрашны.

В конце года в Нидерландах на юношеском чемпионате юниониста носет 19-летний москвич, студент МГУ Сергей Манчарев. Его игра отличается глубиной и оригинальностью замыслов. Характерным примером служит финал позиции М. Карбачева с ленинградцем А. Копытовым на юношеском чемпионате турнира этого года.

Перед вами позиция, возникшая после 13-го хода белых. Сперва несомненно, но вышшим тактическим ударом черные завоевывают пешку.

а в с d e f g h

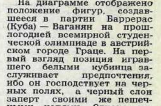

d5 17. Лd1 — f1 Сf2 — e5 18. б3 — b4 Сe3 — d6 19. Кe2 — e4 20. Сd2 — d3 21. Тd2. Теперь черные проводят незапланированный размен, добывая на такую возможность реализации материального преимущества, но и вселяя подступок к неприятельскому королю для посмертного штурма.

22. Кe4 — Сb6 23. 21. Кe2 g3 Кe4 f4 22. Кd1 — e2 Кe3 — f1 23. Крe2 — f1 Кe6 — e4 24. Сd2 — d3 Нe6 — e5 25. Фb1 — e1 Лc4 — c2 26. Сb2 — d4 Фb6 — e6 27. Кd1 — e1 Фb6 — e6 + 28. Сb2 — e2 Кe4 — c3. Начало замкнутой пешкиной операции по пленению короля совершенно полностью лишено какого-либо примытия. Наложить оброну не представляется возможным.

29. Кf3 — e5 Лe8 — e3 30. Сd4 — e3 Кe3 — e2 31. Кd1 — f1 Кe2 — f4 32. Сe2 — h1 Фe4 — e3 33. Кd1 — e1 Кf4 — h3. Натуральный шаг в современной турнирной практике встречается чрезвычайно редко.

Наглядно исторически сберная 1973 года выглядит весьма добротной. Ее возглавляет чешары 16-го гроссмейстера, в среде них А. Нарпов и И. В. Балахов, которые мы не раз рассматривали читателям «Смены». Приводим пример творчества из репертуара по молодежной номинации, сыгранного гроссмейстером Рафаэла Вагана. Он ошеломил шахматист, хотя порою иронично.

а в с d e f g h

На диаграмме откровенно полюбиле оингто, произошедшие в партии Варварас (Куба) Вагана и студента логодней всемирной студенческой олимпиады в австрийском городе Крайне. На первом взгляд позиция игрательно бесспорно, но случается предостережение, ибо от господствует черных полях, а черный слон заперт своими же пешечными цепями. Однако неожиданным красивым проходом в центре Вагана резко меняет картину сражения. Иертир Вагана неохотно захватывает инициативу, максимально активизирует свои силы в бундвании в угарном темпе организуют победительный атаку.

32. d5 — d4 33. c3 — d4. Неудачливое решение белых и вариант 33. К:4 б4!

33. Фe5 — d5 34. Лb8 — h2. Уже неприятельские фигуры начинают «трубить отбой».

КРОССВОРД

Составила В. КЛИМОВА, г. Елец

По горизонтали:

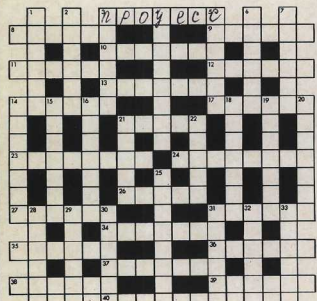
3. Последовательная смена явлений, ход развития. 8. Центр шельфовых островов Хонсю в Японии. 9. Смельость, бесстрашие. 10. Строительный район. 11. Герой комедии П. Бомарше. 12. Построение черенга по росту. 13. Город в Архангельской области. 14. Приток Волги. 17. Ядро атома радиоактивного изотопа водорода. 21. Ночная птица. 23. Определенное сходство

По вертикали:

1. Спортивное оружие. 2. Единица эвентрической геометрии. 3. Покрывало для лошади. 4. Последняя книга А. Сент-Экзюпери. 5. Древнегреческий философ. 6. Народ, населяющий север Красноярского края. 7. Скандинав. 8. Острова в Индонезии. 15. Изображение, выполненное из смальты. 16. Круглое сооружение, увенчанное куполом. 18. Город на Украине. 19. Представительница основного населения автономной со-

предметов, явления. 24. Столиный сосуд для разведения водных организмов. 26. Мера веса. 27. Тропическое плодояное растение. 31. Исходная сила. 34. Соучастник в спортивной игре, танцах. 35. Спортивная игра. 36. Матери. 37. Немецкий физик. 38. Документ, удостоверяющий авторство изобретателя. 39. Смолочный нефтьпродукт. 40. Полярная область Земли.

ветской республике. 20. Привал, педальцикулярная и настельная в ее общей тоине с кринкой. 21. Отличное стекло. 22. Старинный русский ударный инструмент. 25. Высшее учебное заведение. 28. Соль азотной кислоты. 29. Норвежский полярный исследователь. 30. Древнегреческое государство. 31. Переносные милицейские подразделения. 32. Пространная репина. 33. Руководитель высшего учебного заведения.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 16

По горизонтали:
5. Сарфимович. 8. Ионид. 9. Фарвад. 13. Эскудо. 14. Нобет. 15. Абжакур. 16. Пихта. 18. Колонна. 20. Пес. 21. «Первороссийск». 22. Старт. 24. Авдотья. 27. Лакти. 31. Аргент. 32. Прием. 33. Апатит. 34. Пантанго. 35. Эфиопия. 36. «Псковитянка».

По вертикали:
1. Реолоид. 2. Паллеоло. 3. Котантон. 4. Гималаи. 6. Подух. 7. «Медаль». 10. Аспиригентура. 11. Энтомология. 12. «Богвествина». 17. Дзюэт. 18. Ковно. 19. Арикса. 20. Песел. 23. Рингел. 25. Валларов. 26. Камуфляж. 28. Аманта. 29. Гимнаст. 30. Вабочка.

Слова Игоря ШАМФЕРАНА
Музыка Эдуарда КОЛМАНОВСКОГО

НАШИ МАМЫ

Та весна, казалось, будет вечной —
И глядят из рамок со стен
Наши мамы в платьях поделенных,
Наши мамы юные сосны.
Брови разлетаются крылато,
Ни одной морщинки возле глаз.
Кто теперь поверит, что когда-то
Наши мамы были младше нас.
Мы еще в рассветных снах витаем —
Мамы поднимаются чуть свет,
Мы опять куда-то улетаем —
Мамы долго-долго машут вслед.

И лежат сиюминутные печали
Белым снегом на вьсах у них.
Если б матерям мы выбирали,
Все равно бы выбрали своих.
Можете обехать всю Россию,
Провести в дороге много дней,
Никого не встретите краше,
Никого не встретите родней.
Шлите им почтае телеграммы,
Письмами старайтесь их согреть.
Все на свете много наших мам,
Только не умеют не стареть.

сином и Римским центрах моды созданы десятки вариантов молодежных ансамблей из велюра-спинна, обработанного под замшу. Из этого материала можно шить пальто и полупальто, элегантные жакеты с бахромой и вышивкой, костюмы, спортивные комплекты, куртки. Они прекрасно окрашиваются в любые цвета, и очень трудно найти объяснение, почему же до сих пор не налажено массовое производство ансамблей из спинна. И нынешнему осеннему сезону римские художники предложили 45 ансамблей из этого материала. Но сегодня молодой римлянин может заказать лишь куртку из спинна, да и то лишь на фабрике индустриального района, в ателье «Валтинс Модас». Пона только местная промышленность Латвии с трудом одолевает программу производителя (нет точной цены на изделие), выпускающей небольшие партии спортивных ансамблей из спинна.

Для первых дней осени предлагаются комплекты с короткими, до пояса, куртками-булузонами: в Прибалтии их выкупают из трикотажа, пестротканя, тамба, велюра ярких цветов. И такому ансамблю можно надеть или классическую блузу-рубашку или более женственную блузу с пышной волантовой, парюющей в пышный бант.

Вообще современная мода небезразлична к стилю типа муссима-сочече, туник, жакетов. Ну, а народная блуза в сочетании с романтичной линией моды украшается обилием кружев, шифона, рюшей, воланов. Даме праздничный ансамбль сегодня — это чаще всего не платье, а блуза из муара, тафта, шифона в сочетании с длинной или короткой юбкой.

Все это вовсе не значит, что мы хотим приписать роль платья в осеннем гардеробе, платья, сохраняющего верность строгому рубашечному стилю или украшенному, как предлагает художник Инева, народным шитьем по народным мотивам. Но сегодня даме платье — это только элемент ансамбля, дополненного жакетом из трикотажа или плотной шерстяной ткани, украшенного строчкой, аппликацией, вышивкой бахромой. Интересно новое предложение римских платьев в комплекте с безрукавным пальто или пальто с коротким рукавом, отделанным боковыми отверстиями и затянутое мехом кушаном.

Промышленность уже наладила выпуск комплектных изделий: например, римская фирма «Латвия» разработала и о гардеробе молодого мужчины и о спортивных ансамблях для детей и взрослых, а фирма легкого платья «Рига-с алтерс» — о разнообразных деловых ансамблях для молодых женщин. Здесь внедряются самые новые ткани, многие из которых отмечены в 73-м году. Знаю качества, реализуются самые высокие идеи моды (полноценная накладка создана по модели Римского центра моды). Купить еще только входящие в моду ансамбли можно в Фериевине магазине модных изделий «Ландштедт». Выпуск новых моделей налажен и в швейском производственном центре Дома моделей. Здесь же, в магазине-клубе, попутатей реализуются художественные Дома моделей, которые, в частности, накладывают покупателям, что легко варьируемый комплект из элементов, отличающихся цветом и рисунком тканей, требует тонкого ощущения всех индустриальных цветов, фактур, рисунка. Именно в этих ансамблях моды — ключ к пониманию ее современных тенденций.

Сегодня в осеннем почете трикотаж: валянные кофточки из плюшевого, уродчатого трикотажа с бриками и юбками, свитеры и длинные вельветовые пальто, костюмы из вельвета и джерси... Эти модные и удобные вещи хорошо сочетаются с безрукавным пальто, жакетом, сарафаном из плотной ткани.

Мода этой осени многообразна и благодаря богатству цветовой гаммы и новым тонам «вереска», «багланана», и звонкому зеленому цвету художник Прибалтии предложил теплотные оттенки коричневого цвета, лентари, золотистого песка поберевый Балтики. Украинские художники успешно используют яркие синие, красные, фиолетовые цвета. И, конечно, оранжево-красно-оранжевую гамму: осень в Прибалтии и на Украине, как и в Польсково, золотая. Мужская одежда сегодня отказывается от кричащих расцветок: широкие костюмы, чуть притянутого покроя, с широкими бортами, предлагаются в нынешней «осени» асортименте коричнево-серых, синих, темно-серых цветов.

Цена номера 20 коп.
Индекс 70820

МОДЕСТВО И КРАСОТА — ГЛАВНЫЙ ПОСТУЛАТ МОДЫ

